

МГП и СМИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научный журнал об актуальных проблемах
международного гуманитарного права
и средствах массовой информации

№ 2 / 2026

В НОМЕРЕ:

Стр. 12

Работа
кинооператоров
на войне

Стр. 25

Военные
журналисты
в Чернобыле

Стр. 45

От холокоста
до цифрового
геноцида

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов издает научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ». Наш центр функционирует на базе Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи издания:

- пропаганда основ международного гуманитарного права;
- изучение специфики и закономерностей функционирования средств массовой информации и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;
- исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Приглашаем к сотрудничеству исследователей в сфере международного гуманитарного права (МГП), теории и практики военной журналистики, профессиональных журналистов, преподавателей, аспирантов и магистров.

Главный редактор Андрей КОЗЛОВ

Редакционная коллегия

Главный редактор – **А.В. Козлов**, доктор исторических наук, профессор.

Заместитель главного редактора – **Е.А. Младковская**, кандидат педагогических наук, доцент.

Ответственный секретарь – **А.Ш. Салихов**, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии:

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН.

Т.Н. Владимирова, доктор педагогических наук, доцент, проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

С.А. Плотов, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор Международного юридического института.

С.Х. Канапьянов, доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры печати и издательского дела Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

В.А. Силкин, кандидат педагогических наук, секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

З.А. Станкевич, доктор юридических наук.

Т.М. Сыртланов, кандидат педагогических наук, член Президиума Совета Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»).

В.Н. Литовкин, военный обозреватель.

И.В. Холиков, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник Генерального секретаря Международного комитета военной медицины (МКВМ) по юридическим вопросам.

О.И. Чердаков, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной и научной работе Международного юридического института.

А.И. Шмаль, Председатель Московской городской коллегии адвокатов «Время Защиты».

Э.Э. Шульц, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета.

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники.

Статьи необходимо присылать в адрес редакции (mgs_smi@mail.ru).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 66970 от 25.08.2016 года.

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская д. 16-18, тел: +7 (926) 275-10-75.

E-mail: mgs_smi@mail.ru

В выпуске журнала принимали участие студенты Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета А.С. Арефьев, Д.С. Бунакова, Г.А. Викторов, Н. Ш. Ибрагимова, А. Д. Калинин, М.А. Кравченко, У. Д. Лыкова, Не Юйян, В. А. Пак, Т.С. Саланкина, Д. О. Семичастнова, Суй Шанфу, Е.С. Тышковская, А.И. Худицкая.

Подписано в печать 11.08.2026 г.

Типография «Белый Ветер». Тираж 500 экз. Заказ № 895 от 11.08.2026 г.

Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: (495) 651-84-56.

E-mail: wwprint@mail.ru

© Журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ», 2026.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ

Награды Союза журналистов России к юбилею журнала «Актуальные проблемы МГП и СМИ»	4
Awards of the Russian Union of Journalists for the anniversary of the journal "Actual Problems of IHL and the Media"	4
<i>Алексеев И.Е., Князьков С.А.</i> <i>Alekseyev I.E., Knyazkov S.A.</i>	
Центральному печатному органу МЧС России – 70 лет	5
The Central Printing House of the Russian Ministry of Emergency Situations Turns 70	5

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

<i>Денисова И.Н.</i> <i>Denisova I.N.</i>	
Работа русских и советских кинооператоров в условиях вооруженных конфликтов	12
The work of Russian and Soviet cameramen in armed conflicts	12
Военные журналисты в Чернобыле.....	25
Military journalists in Chernobyl.....	25

ВЫСТАВКИ

<i>Князьков С.А.</i> <i>Knyazkov S.A.</i>	
История отечественной военной журнальной прессы	36
The history of the Russian military magazine press	36

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

<i>Козлов А.В.</i> <i>Kozlov A.V.</i>	
Холиков И.В.: «Правовая регламентация вооруженного противостояния в цифровой среде: тенденции, проблемы, перспективы»	37
Holikov I.V.: "Legal regulation of armed conflict in the digital environment: trends, challenges, and prospects"	37

КОНФЕРЕНЦИИ

В МГУ обсудили проблему трансформации дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ»	41
The transformation of the discipline "International Humanitarian Law and the Media" was discussed at Moscow State University	41
Коммуникационный вектор-2026.....	43
Communication Vector 2026.....	43

Трибуна аспиранта

Чучулаева А.И.

Chuchulaeva A.I.

От холокоста до цифрового геноцида: междисциплинарный подход к понятию природы
массового насилия 45

From the Holocaust to Digital Genocide: An Interdisciplinary Approach to Understanding the Nature of
Mass Violence 45

Проба пера

Митрофанов О.В.

Mitrofanov O.V.

Модели реализации государствами обязательств по поддержке семей военнослужащих, погибших
в ходе вооруженных конфликтов 54

Models of States' Implementation of Obligations to Support Families of Military Personnel Killed in
Armed Conflicts 54

В помощь преподавателю МГП и СМИ

Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооруженный конфликт»? 66

How is the term "armed conflict" defined in international humanitarian law? 66

Симонов К.М.

Simonov K.M.

Переговоры (Из Халхингольских записок) 72

Negotiations (From the Khalkhingol notes) 72

Конкурсы и олимпиады

Козлов А.А.

Kozlov A.A.

Подведены итоги IX Межвузовской олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного
гуманитарного права–2026» 81

He results of the IX Interuniversity Olympiad "Media and Current Issues of International Humanitarian
Law–2026 summed up 81

Конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы
международного гуманитарного права» 83

Олимпиада «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права» 84

НАГРАДЫ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ К ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МГП И СМИ»

В Центральном Доме журналиста состоялась торжественная церемония вручения наград Союза журналистов России. Высокие награды коллегам вручали глава Союза журналистов России В.Г. Соловьев и председатель Московского отделения Союза журналистов России П.Н. Гусев.

В связи с 10-летием научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ» почетные грамоты СЖР были вручены главному редактору журнала доктору исторических наук, профессору А.В. Козлову, ответственному секретарю журнала кандидату исторических наук А.Ш. Салихову и члену редколлегии, постоянному автору издания кандидату педагогических наук Т.М. Сыртланову.

Фото пресс-службы СЖР.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ ПЕЧАТНОМУ ОРГАНУ МЧС РОССИИ – 70 ЛЕТ

Первый номер предшественника журнала «Гражданская защита» – «Информационного сборника местной противовоздушной обороны» – вышел в 1956 г.

С января 1962 г. начал издаваться журнал «Гражданская оборона СССР» – орган начальника Управления ГО СССР. Ныне выходящий в МЧС России журнал «Гражданская защита» является его правопреемником и продолжателем. Однако, с полным основанием можно утверждать, что центральное печатное издание МЧС России ведет свою историю с Информационного сборника МПВО, который Штаб местной противовоздушной обороны страны издавал с 1956 г. по 1961 г.

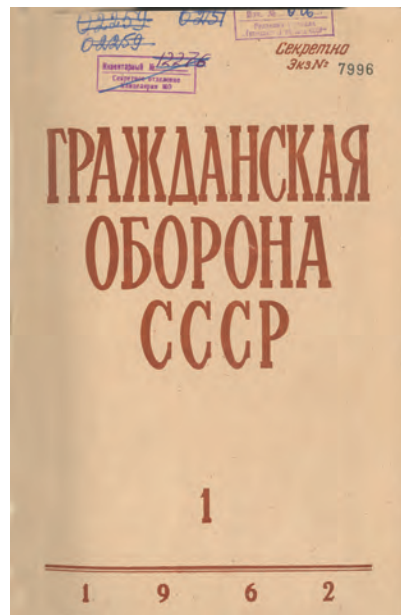
В 1961 г. руководство нашего государства приняло решение о преобразовании МПВО в систему Гражданской обороны СССР. Тогда же было принято и Положение о ГО страны. На новую систему легли более сложные и более масштабные задачи, связанные с обеспечением защиты населения и объектов народного хозяйства от оружия массового поражения.

В связи с этим руководству ГО СССР требовалось соответствующее научно-методическое и организационно-практическое обеспечение решения этих задач. Значительная роль в этом деле отводилась печати.

И вот 16 ноября 1961 г. министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский подписал приказ «Об издании журнала “Гражданская оборона СССР”. В нем говорилось: «Положением о Гражданской обороне Союза ССР, утвержденным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июля 1961 г., предусмотрено издание журнала “Гражданская оборона СССР”.

И далее в приказной части: журнал издается на полиграфической базе Военного издательства Министерства обороны СССР... За материалы, опубликованные в журнале... установить авторский гонорар в сумме 250 руб. за авторский лист. Издание “Информационного сборника МПВО” прекратить».

Журнал «Гражданская оборона СССР» был призван усилить подготовку руководящего и командно-начальствующего состава ГО в интересах защиты населения и объектов экономики в условиях возможной ракетно-ядерной войны. Ему надлежало разъяснять положения основополагающих документов, директив и указаний по ГО, раскрывать опыт работы на местах, давать методические материалы по планированию и организации различных мероприятий на военное время, по подготовке орга-

нов управления и сил к действиям в условиях войны с применением оружия массового поражения, а также освещать проблемы повышения устойчивости работы жизненно важных объектов и отраслей экономики.

Предназначалось издание для руководящего состава гражданской обороны, ее штабов, командного состава частей ГО, преподавателей курсов ГО. Как правило, каждый номер журнала содержал передовые, редакционные статьи, проблемные, аналитические и дискуссионные материалы, давалась зарубежная информация. Постоянными рубриками в журнале были: «Организация, управление», «Защита населения», «Подготовка по ГО», «Повышение устойчивости функционирования народного хозяйства», «Опыт, суждения», «Методические советы», «За рубежом», «ГО в министерствах», «В службах ГО» и другие.

С возложением руководства гражданской обороной на Министерство обороны СССР журнал стал публиковать материалы о мероприятиях ГО, проводимых в военных округах, о взаимодействии органов военного управления и гражданской обороны.

Под влиянием происходивших в тот период чрезвычайных ситуаций, в том числе массовых лесных и торфяных пожаров в Центральном регионе летом 1972 г., в журнале стали чаще освещаться и анализироваться проблемы, связанные с техногенными катастрофами и стихийными бедствиями, а также действия органов управления и сил ГО по их преодолению.

Тематика ЧС мирного времени особенно расширилась после радиационной аварии на Чернобыльской АЭС, затем разрушительного землетрясения в Армении.

В целом журнал «Гражданская оборона СССР» являлся важным инструментом штаба и управлений ГО СССР в деле проведения государственной политики, направленной на защиту тыла страны в условиях современной войны, на подготовку органов управления и сил, всего населения к действиям в чрезвычайных ситуациях различного характера. Он служил для руководящего состава, офицеров штабов ГО, ее частей единственным источником пополнения и углубления знаний по теории, методике и практике организации и ведения гражданской обороны.

И журнал пользовался спросом, несмотря на то что выходил с грифом «Секретно».

Редакция журнала, 2001 г.

У иных руководителей он был, что называется, настольной книгой. Ведь на его страницах выступали со статьями крупные, известные во всей стране государственные, партийные, военные деятели.

Среди них такие высокие руководители, как министры: химической промышленности СССР Л.А. Костандов, внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевич, культуры СССР Е.А. Фурцева; военачальники: Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и В.И. Чуйков, маршал авиации А.И. Покрышкин, генералы армии А.А. Епишев, И.И. Федюнинский, Н.Г. Лященко, адмирал Н.И. Ховрин и многие другие авторы.

Одним из «зачинателей» журнала «Гражданская оборона СССР» был его первый главный редактор полковник Н.И. Басов. Позднее он вспоминал, что публикации журнала положительно оценивались как его читателями, так и руководством ГО СССР во главе с ее начальником Маршалом Советского Союза В.И. Чуйковым. Он никогда не перепоручал кому-то другому руководство журналом, всегда был в курсе дел и проблем редакции. При огромной загруженности основной работой он находил время, чтобы вникнуть в ее планы и замыслы, нацелить на ключевые задачи. Ему был чужд формальный стиль руководства «в общем и целом». Очень ценил талантливых, инициативных, ответственных работников. И в том, что ведомственный журнал состоялся, есть немалая заслуга начальника Гражданской обороны СССР.

Внимательно следил за содержанием журнала также преемник В.И. Чуйкова на посту начальника ГО СССР генерал армии А.Т. Алтунин. В частности, он предложил редакции готовить и издавать тематические номера журнала, что и было нами успешно реализовано.

Основной костяк редакционного коллектива в 60-80-е гг. прошлого века составляли журналисты-офицеры и служащие, прошедшие Великую Отечественную войну, которых постепенно сменила «вторая волна» более молодых сотрудников, большинство из которых являлись кадровыми офицерами. На посту главного редактора Н.И. Басова сменил полковник В. Баканов, его – полковник А.Н. Распопов. К слову сказать, в октябре 1991 г. последний начальник ГО СССР генерал-полковник Б.Е. Пьянков обратился к министру обороны СССР маршалу авиации Е.И. Шапошникову с докладной запиской, в которой предлагалось снять с журнала гриф «Секретно» (с января 1992 г.). Однако в декабре в стране произошли известные события, Союз распался, и решение на тот момент по этой записке не состоялось. Но в январе 1992 г. вышел в свет последний грифованный номер «Гражданской обороны СССР», после чего в соответствии с Законом «О средствах массовой информации» журнал был зарегистрирован 25 мая 1992 г. под названием «Гражданская защита», став органом печати Госкомитета РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Таким образом, закрытый журнал издавался ровно 30 лет и имел тираж до 12 тыс. экземпляров.

НАША СПРАВКА

Годовицина журнала отмечается в мае, а не в начале года, когда из печати вышел его первый номер. Так решил коллектив редакции, с первых дней функционирующей в системе МЧС России, привязав это событие к официальной дате регистрации издания под названием «Гражданская защита» Госкомитетом по чрезвычайным ситуациям в Министерстве печати и информации РСФСР – 25 мая 1992 г. Этот день и стал, что называется, формальным поводом, когда журнал получил перспективу стать доступным для самых широких слоев населения нашей Родины и обрести новых читателей уже за рамками системы ГО.

Обсуждение номера. В центре – главный редактор капитан 1 ранга В.П. Шолох (1993 г.).

С 1991 г. по 1992 г. главным редактором журнала «Гражданская оборона СССР» был капитан 1 ранга В.П. Шолох.

В течение всего советского периода журнал «Гражданская оборона СССР», как и его нынешний преемник журнал «Гражданская защита», являлся и является верным помощником руководства общегосударственной системы оборонных мероприятий, обеспечения защиты населения и территорий страны от ЧС военного и мирного времени. Помощником в решении сложных и масштабных задач по предупреждению и ликвидации различного рода ЧС, по обеспечению жизнедеятельности населения.

С начала своей новой истории журнал «Гражданская защита» МЧС России, вплоть до 2008 г. возглавлял капитан 1 ранга В.П. Шолох. Журнал ориентируется, прежде всего, на тематику мирного времени. Главное внимание в нем уделяется показу и анализу стихийных бедствий и техногенных катастроф, опыта работы по их прогнозированию, предотвращению и ликвидации. Публикуются материалы о спасательных операциях и гуманитарных акциях в нашей стране и за рубежом, о технологиях и средствах спасения, проблемах теории и практики гражданской защиты, международной кооперации по этим и другим направлениям. В журнале находят отражение и вопросы ГО. Он стал средством доведения до читателей принимаемых федеральных законов и постановлений Правительства РФ в области деятельности МЧС России. В журнале даются их комментарии и разъяснения, обнародуются и обсуждаются новые идеи и актуальные проблемы, ведется обмен передовым опытом, регулярно публикуются выступления и статьи руководителей территориальных органов власти и управления, МЧС России и других ведомств, крупных ученых и практиков в области защиты населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера.

Постоянными рубриками журнала являются: «Хроника происшествий», «Горькие уроки», «Операции МЧС России», «Силы спасения», «Прогнозирование, профилактика», «Ликвидация ЧС», «Проблемы и суждения», «Защита населения», «Обучение», «Методика», «Из истории катастроф», «Международное сотрудничество» и др.

В журнале постоянно фиксируется история МЧС России: документы и статьи о создании и развитии министерства, наиболее значимых событиях (операции, учения, научные, технические и технологические разработки), мужественной и самоотверженной

работе спасательных служб. В нем нашли отражение сведения о таких крупнейших и уникальных операциях министерства, таких как ликвидация угрозы техногенной катастрофы (падения 500-тонного обломка трубы) на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе (1991), последствий разрушительного землетрясения в пос. Нефтегорск (1995), крупномасштабного наводнения в г. Ленске (2001), поиск потерпевших крушение самолетов и вертолетов, герметизация затонувшей в Норвежском море советской атомной подводной лодки «Комсомолец» (1994), долгосрочная и многопрофильная гуманитарная деятельность в зоне боевых действий на территории Чеченской Республики (1994-1995, 1999-2000) и в бывшей Республике Югославии (1993-1996), борьба с массовыми лесными пожарами летом 2010 г., спасательные операции во время крупномасштабного наводнения на Дальнем Востоке (2013), спасательные работы в местах стихийных бедствий, аварий и катастроф, вооруженных конфликтов и террористических актов в России и других точках планеты.

Главными редакторами журнала «Гражданская защита» МЧС России были: капитан 1 ранга В.П. Шолох (1993-2008), полковник Г.И. Одинцов (2008-2014).

Отмечая заслуги, 1 марта 1999 г. журнал «Гражданская защита» был награжден Медалью Международной организации гражданской обороны (МОГО).

Надо отметить, что руководство МЧС России также по достоинству оценивало труд работников редакции, которые выполняли большую, нужную, значимую для государства и населения работу. Ведь журнал был и остается действенным средством реализации государственной политики в области гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, помогает родному министерству решать широкий спектр сложных и ответственных задач. Многие сотрудники редакционного коллектива за свой беззаветный высокопрофессиональный труд в разные годы были отмечены ведомственными и государственными наградами, а двое стали заслуженными работниками культуры Российской Федерации.

Редакция, 7 марта 2018 г.

В 2006 г. в связи с 50-й годовщиной основания журнала министерством была учреждена юбилейная медаль «50 лет журналу “Гражданская защита”», которой были награждены не только сотрудники редакции, но и ряд активных авторов центрального аппарата МЧС России и других организаций. Кроме того, руководство министерства поддержало предложение редакции учредить медаль «За пропаганду спасательного дела». Были представлены ее эскиз и положение о ней, которые были одобрены. Ею до сих пор награждаются военнослужащие и сотрудники МЧС России, работники других ведомств, участвующие в пропаганде мероприятий гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, распространении знаний по действиям при авариях, катастрофах и стихийных бедствиях и т. п.

За последнее десятилетие на долю редакции и журнала выпали серьезные испытания. У журнала «Гражданская защита» оставался неизменным учредитель – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Однако, организационно журнал неоднократно переводился из одной организации в другую. С декабря 2010 г. по 2014 г. он входил в ФГБУ «Объединенная редакция МЧС России», потом его на некоторое время перевели в подчинение Академии гражданской защиты МЧС России; с 2015 г. по 2020 г. – входил в ФАУ «Информационный центр Общероссийской Комплексной Системы Информирования и Оповещения Населения в местах массового пребывания людей» (ФАУ «ИЦ ОКСИОН»), с 2020 г. по настоящее время входит в ФГБУ «МЧС Медиа». Соответственно, в 2014 г. в редакции были упразднены последние должности кадровых военных журналистов, и штат коллектива составили отставные военные журналисты и гражданские журналисты, однако, штат редакции значительно сократился по сравнению со штатом советского и начала российского периода истории журнала. Это вынудило при формировании номеров журнала в большей мере, чем прежде, опираться, в том числе, на материалы пресс-служб региональных Главных управлений МЧС России.

В 2016 г. в год своего 60-летия журнал стал лауреатом Всероссийского фестиваля «Созвездие мужества», и редакции была вручена бронзовая статуэтка «Строитель МЧС», выразившая оценку наших заслуг руководством чрезвычайного ведомства

С 2014 г. по 2024 г. главным редактором журнала «Гражданская защита» являлся Е.А. Дмитриев. Впрочем, в ФГБУ «МЧС Медиа» уже должность главного редактора была одна на все центральные печатные издания ведомства, а именно: журналы «Гражданская защита», «Пожарное дело» и «Основы безопасности жизнедеятельности», а также еженедельную газету «Спасатель МЧС России», и занимала ее заместитель директора ФГБУ «МЧС Медиа». Редакции же этих изданий были переименованы в отделы по их производству и выпуску, а бывшие главные редакторы журналов и газеты – соответственно в начальников отделов по их подготовке и выпуску, что понизило статус руководителей печатных изданий, а также их заработную плату, и в итоге повлекло увольнение нескольких опытных журналистов.

С августа 2024 г. начальником отдела по подготовке и выпуску журнала «Гражданская защита» является А.Л. Зеленков.

Подготовили **Иван Алексеев**, **Сергей Князьков**.

Фото из архива редакции журнала «Гражданская защита» МЧС России.

Денисова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: irina_denisowa@mail.ru

РАБОТА РУССКИХ И СОВЕТСКИХ КИНООПЕРАТОРОВ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Роль операторов, фиксирующих события на камеру, чрезвычайно велика. Мы их не видим, в отличие от журналистов они чаще всего не публичны. Но именно операторы визуализируют происходящее, дают возможность аудитории наблюдать события своими глазами. Их работа, достаточно непростая в мирное время, в военный период становится опасной. Оператор отвечает за технику, поэтому часто теряет мобильность и возможность маневрирования. Е.А. Джанджугазова констатировала: «У кинооператоров оно (оружие. – И.Д.) всегда одинаковое – зоркий и правдивый «глаз» объектива их кинокамеры, передающий нам самые разные кадры войны – драматичные и жестокие, отзывающиеся острой болью, или мягкие, лиричные, трогающие душу»¹.

Появление профессии. Первая мировая война (1914-1918 гг.)

В России первой ответственной работой кинооператоров принято считать съемку коронации Николая II и Александры Федоровны в 1896 г. Проходила она в сложных ус-

ловиях: приехали высокопоставленные гости, было большое стечение народа, организованы гуляния. Операторы старались объемно показать празднования: снимали парады и другие мероприятия с участием императора, маневры, учения, инженерные достижения.

Во время Русско-японской войны (1904-1905 гг.) уже существовали «воздухоплавательные» батальоны, летчики которых вели аэрофотосъемку с разведывательными целями. В 1908 г. летчик Сергей Алексеевич Ульянин получил патент на «фотографический аппарат для воздушной автоматической записи фотограмметрических данных». Это была огромная камера с фокусным расстоянием объектива 1 метр, монтировалась к борту самолета. Эксплуатировалась вплоть до окончания Первой мировой войны.

В царской армии работал военно-кинематографический отдел, который снимал «кинематографические ленты военно-образовательного и воспитательного содержания, предназначенные специально для солдатских кинематографов, и картин батальных для кинематографического рынка вообще»². Отдел был образован в 1914 г. при благотворитель-

ном Скобелевском комитете. На театре военных действий Первой мировой войны российские военные корреспонденты вели съемку на передовой, а также воздушную кино-разведку. Первые видеокдры принадлежат Эдуарду Казимировичу Тиссэ, который снял

¹ Джанджугазова Е.А. Фронтовые операторы: неразрывная связь времен и поколений // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2. № 2. С. 219-220.

² Баталин В.Н., Малышева Г.Е. Последний фильм Скобелевского комитета «Красная Финляндия» // Вестник архивиста. 2017. № 3 (139). С. 35.

обстрел русской военно-морской базы в Либаве германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург». Впоследствии Э.К. Тиссэ побывал на многих фронтах Первой мировой войны. Он был ранен, во время съемок пережил газовую атаку. Прошел с камерой всю Гражданскую войну, был прикреплен к Первой конной армии. В межвоенный период стал главным оператором у Сергея Михайловича Эйзенштейна, сняв все его фильмы, включая «Броненосец «Потемкин», «Александр Невский» и «Иван Грозный». Работал также с Григорием Васильевичем Александровым, в США познакомился с Уолтом Диснеем.

Э.К. Тиссэ (слева) и С.М. Эйзенштейн на съемках фильма «Старое и новое», 1929 г.

Во время Первой мировой войны частные компании хотели отправить своих операторов на театр военных действий, но получили от военных властей решительный отказ, который они объяснили секретностью. В.К. Беляков указал, что понадобилось «выработать целый ряд требований и правил киносъемок, на подготовку которых ушло некоторое время. Ведь ни у кого, даже у военного руководства и военной цензуры, практически не было соответствующего опыта в то время»¹. Николай II разрешил проводить съемки на фронтах только операторам Скобелевского комитета. В октябре 1914 г. комитет объявил, что его сотрудники снимают разные сцены и события, но «из соображений стратегического характера эти снимки еще не подлежат демонстрированию»². Широкой аудитории была представлена лишь малая часть материалов, что-то было утрачено, что-то хранится в архивах.

Русские кинохроникеры работали на фронте в трудных условиях, у них были громоздкие камеры со слабой оптикой и пленкой недостаточной чувствительности, которая к тому же в начале войны перестала поступать в Россию. В 1914 г. «Вестник кинематографии» писал: «Все-таки, несмотря на величайший запрет, некоторым корреспондентам удалось проникать в самый пыл сражения с кинематографическим аппаратом и проводить съемки нелегально»³.

В основном они снимали подготовку и тренировку солдат, учебные бои, постановочные эпизоды и изредка реальные боевые действия. Военная цензура запрещала показывать сражения, русскую военную технику и убитых солдат. Практиковался монтаж, где демонстрировались близкие по смыслу хроникальные кадры и постановочные кадры.

Из-за нехватки штатных операторов на фронтах Скобелевский комитет договорился с частными компаниями, где работали кинооператоры. Таким образом, к работе привлекли иностранцев Г. Эрколя, И. Дореда и трех русских операторов П.К. Новицкого, Н.И. Топоркова, П.В. Ермолова. Последний снимал Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и штабные события. А в 1916 г. монополия Скобелевского комитета на съемку боевых действий была отменена.

¹ Беляков В.К. Кинолетопись Первой мировой войны: смыслы и значения // Вестник ВГИК. 2023. Т. 15. № 1 (55). С. 9.

² Беляков В.К. Историко-художественный потенциал дореволюционной кинохроники: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03. М., 2019. С. 15.

³ Первая мировая война в зеркале кинематографа: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / ред.-сост. Д.Л. Караваев, С.М. Ишевская, А.В. Лагутина. Москва, 8-9 октября 2014 г. М.: Всероссийский государственный институт кинематографии, 2014. С. 19.

Гражданская война (1918-1922 гг.)

В период Гражданской войны военные действия велись практически на всей территории огромной страны, но отечественной техники и кадров для съемки событий не хватало. Часто власти привлекали к сотрудничеству частных лиц, владеющих навыками съемки. Кинофотофонодокументирование осуществляли, с одной стороны, советские кинооператоры, с другой стороны, фотографы, съемочные группы, находившиеся в армиях А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, а также в войсках стран Антанты¹. После поражения белых армий иностранные вооруженные контингенты покинули территорию России. С ними убыли и их кинооператоры. По монтажным листам исследователи установили основные географические точки в Сибири и на Дальнем Востоке, где проводились съемки, а также выявили основные инфраструктурные объекты, представлявшие интерес для интервентов. «В результате изучения перечисленных составных частей анализируемого материала нами было выяснено, что пять человек были сотрудниками специального корпуса армии США (*United States Army Corps cameramen*), действовавшими в Сибири, из них двое точно были кинооператорами. Они сделали 1200 снимков и сняли в целом 12 тыс. кадров киноплёнки во время военной операции», – пишут в своей статье Л.В. Белгородская, Н.И. Дроздов и Е.А. Воног².

Когда стала очевидной необходимость организовать работу операторов в новых политических реалиях, в 1918 г. в Москве и Петрограде были созданы первые советские киностудии. И уже к лету 1919 г. на фронтах находилась почти половина штатных операторов – 17 из 40. Съёмочные группы и хроникеры-одиночки добирались на фронт с попутными воинскими эшелонами, агитпоездами, в поездах военных и политических руководителей³. Работали и опытные операторы, снимавшие еще Первую мировую войну, и новички. Выглядели, как красноармейцы, если судить по дошедшим до нас фотографиям: обмотки, защитного цвета брюки и гимнастерка, буденовка или меховая шапка с красной звездой.

С 1919 г. вместе с кинооператорами на фронт стали выезжать инструкторы-организаторы съемок, которые выполняли по сути функции современных продюсеров: они составляли план съемок, занимались подготовкой объектов, распределяли пленку и пр. Во время весенне-летнего наступления Красной армии 1919 г. на Восточном фронте оператор Э.К. Тиссэ и инструктор-организатор съемок Л.В. Кулешов попали в чрезвычайно опасную ситуацию: «Под Оренбургом шло наступление нашего броневое отряда. Наряду с броневиками мы – съемщики – ехали в открытом грузовике, имея ручной пулемет-ружье и киноаппарат “Эклер”. Нашу машину белые начали обстреливать прямой наводкой из трехдюймовой пушки. Э. Тиссэ снимал тяжелым аппаратом с руки, без штатива, вертя ручку, каждый разрыв снаряда, направленного в нас»⁴.

Тогда не применялась практика сохранения авторства. Поэтому большинство пленок остались безымянными.

¹ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 170-171.

² Белгородская Л.В., Дроздов Н.И., Воног Е.А. Повседневность гражданской войны в Сибири: историко-ведческий анализ американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» (1918-1920 гг.) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3 (25). С. 14.

³ Голиков А.Г. Визуальные источники по истории Гражданской войны в России: фотография и кинохроника // Гражданская война в России (1918-1922 гг.): сб. тр. конф. «Столетие Гражданской войны в России». Москва, 17 апреля 2019 г. М.: Алетей, 2020. С. 6.

⁴ Голиков А.Г. Визуальные источники по истории Гражданской войны в России: фотография и кинохроника // Гражданская война в России (1918-1922 гг.): сб. тр. конф. «Столетие Гражданской войны в России». Москва, 17 апреля 2019 г. М.: Алетей, 2020. С. 6.

Гражданская война в Испании (1936-1939 гг.)

Операторы Роман Лазаревич Кармен и Борис Константинович Макасеев в 1936 г. были командированы снимать гражданскую войну в Испании. «Пользовались камерой «Аймо» с револьверной сменой оптики. Пленку для съемки покупали в Париже на тридцатиметровых бобилах с черными ракордами, дающими возможность быстро перезарядить камеру на свету. Настоящей революцией в документальном кино стало создание в 1925 г. американской компанией «Bell & Howell» мобильной ручной кинокамеры «Аймо» («Еумо»). Въезжали через Францию. Там же экипировались: светлые бриджи, высокие ботинки, куртки, черные береты. Заранее закупили пленку.

Перед тем как война пришла в Мадрид, советский посол объявил, что, поскольку правительство эвакуируется в Валенсию, посольство тоже должно покинуть столицу. Поэтому съемочная группа была вынуждена разделиться, чтобы иметь возможность снимать на нескольких театрах военных действий. Б. Макасеев поехал в Валенсию, а Р. Кармен остался в Мадриде. Авианалет на Мадрид Р. Кармен снимал с крыши четырехэтажного дома. Отснятые пленки отправляли в лабораторию в Париж, чтобы проверить, нет ли брака. Если у лаборантов нареканий не было, пленки переправляли самолетом в Москву. Первый выпуск киножурнала «К событиям в Испании» был показан советским гражданам через два дня после отправки исходного материала. Всего было подготовлено 20 выпусков, которые имели успех у зрителей. За восемь месяцев работы было израсходовано более 40 тыс. метров пленки. Операторы перемещались по воюющей стране на машинах, самолетах, иногда пешком. Советские кинохроникеры помогали испанцам получать свежую информацию о событиях; «один позитив смонтированного вчерне материала почти без сокращений они передавали в распоряжение отдела агитации и пропаганды министерства просвещения»¹.

Великая Отечественная война (1941-1945 гг.)

В начале Великой Отечественной войны на Центральной студии документальных фильмов были мобилизованы 258 операторов. С ними в качестве добровольцев отправили 22 выпускника операторского факультета ВГИКа. Уже 23 июня 1941 г. на фронте оказалась первая киногоруппа, в августе – 89 кинодокументалистов, которых объединили в 16 киногорупп.

Как и журналистам, им присваивались воинские звания. Потом они получали оружие и назначения на фронты, при которых были сформированы свои киногоруппы в составе 7-8 человек. Каждый оператор отвечал за большую территорию. «У немцев операторов было гораздо больше. В ведомстве Геббельса подготовили специальные кинороты операторов, которых обучили еще до начала войны. К тому же у них был богатый опыт съемок кампаний в разных странах. Аппаратура была у них много лучше, а пленки – в отличие от наших киногорупп – просто навалом»².

До начала Великой Отечественной войны некоторые операторы уже работали в экстремальных условиях: снимали Первую мировую войну, гражданскую войну в Испании, итало-эфиопскую войну в Абиссинии, события на Халхин-Голе, освобождение Китая от Японии, советско-финскую войну. Аркадий Менделевич Шафран запечатлел гибель парохода «Челюскин», потерпевшего крушение во льдах Чукотского моря. Его фильм «Челюскин. Герои Арктики», посвященный научной арктической экспедиции, получил впоследствии множество премий. Но большинство операторов все же не имели профессионального опыта.

¹ Голубев А. Как снимали Гражданскую войну в Испании // Независимое военное обозрение. 2021. 20 мая. Режим доступа: https://nvo.ng.ru/history/2021-05-20/14_1141_spain.html (дата обращения: 19.07.2023).

² Баранова Е. Сталин требовал от фронтовых операторов снимать все без купюр // Комсомольская правда. 2016. 20 июня. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26544.5/3560609/> (дата обращения: 20.07.2023).

В Лиховом переулке был командный пункт съёмок, которые были сделаны в боях под Москвой. Операторы в тот период жили там на казарменном положении, чтобы можно было быстро выезжать на съёмки на линию боевого соприкосновения. Впоследствии студия стала штабом всей фронтовой кинохроники, куда привозили свои работы операторы со всех фронтов. Весь штат работал круглосуточно. 1944 часа исходного материала, 3,5 тыс. километров киноплёнки было израсходовано, чтобы снять все ужасы фашизма.

Осенью 1941 г. немцы практически каждую ночь бомбили Москву. Вплоть до весны 1942 г. «все редакции центральных газет, информагентств и Всесоюзного радио базировались в Куйбышеве, в Москве оставались лишь дежурные службы», – пишет О.Д. Минаева¹. Было принято решение перевести в запасную столицу и Центральную студию документальных фильмов.

Существовала региональная сеть студий кинохроники – в советских республиках, в регионах РСФСР (в Куйбышеве, Свердловске, Казани и др.). Однако их сюжеты были в основном посвящены тыловой жизни. «Так, в тревожные дни 1941 г., когда Красная Армия отступала, а колонны немецких танков мощными ударами прорывали нашу оборону, Свердловская студия кинохроники получила от Комитета по делам кинематографии заказ на съёмку для всесоюзного и местного киножурналов различных сюжетов оборонного содержания. В первую очередь были запрошены сюжеты о производстве советских танков на Урале», – рассказывает Д.Н. Ряпусова².

О работе Куйбышевской студии пишет В.В. Заводчиков: «Главной темой куйбышевских кинодокументалистов были патриотизм и трудовая доблесть тружеников тыла, вера людей в разгром врага. В кадрах кинохроники нашло широкое отражение несокрушимое единство фронта и тыла. С особой силой оно проявилось в патриотическом движении за создание Фонда обороны по сбору средств на строительство танковой колонны “Куйбышевский колхозник” и эскадрильи самолетов авиаполка “Валериан Куйбышев”. Домохозяйки, школьники, колхозницы, ученые, педагоги, деятели искусства постоянно помогали в госпиталях медицинским работникам, ухаживали за ранеными. Многочисленные сюжеты киножурналов были посвящены этой теме»³.

Первые фронтовые съёмки появились 8 июля в «Союзкиножурнале» № 63 под названием «Фашистская свора будет уничтожена» (операторы В.С. Ешунин и С.Я. Коган). Операторам не ставились жесткие ограничения на то, что можно снимать и что нельзя. Однако работал принцип саморегулирования, когда было изначально ясно, что пойдет в широкий прокат, а что останется для служебного пользования или отправится в архив. Очевидно, что кадры отступления Красной армии не попадут в киножурнал. «Эпизоды отступления вообще мы снимали мало, вернее, вообще не снимали. С позиции сегодняшнего дня это может показаться ошибкой – история есть история», – вспоминал оператор Леонид Тихонович Котляренко⁴. В начале войны снимали учения и маневры. Потом, когда шло наступление на Москву, требовалось больше героических сюжетов о наступлении наших частей, военных трофеях, пленных. Операторы стремились вовремя попасть на участок прорыва, чтобы запечатлеть бои. «Что необходимо настоящему хроникеру, чем измеряется уровень его мастерства. Прежде всего тем, насколько полно удалось ему от-

¹ Минаева О.Д. История отечественной журналистики. 1917-1945. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 212.

² Ряпусова Д.Н. Киноиндустрия «Большого Урала» в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 28 (204). С. 61.

³ Заводчиков В.В. Работа кинооператоров Куйбышевской студии кинохроники на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // История и археология: мат-лы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 20-23 ноября 2012 г. СПб.: Реноме, 2012. Режим доступа: Работа кинооператоров Куйбышевской студии кинохроники на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (csdfmuseum.ru) (дата обращения: 19.07.2023).

⁴ Их оружие – кинокамера. Рассказы фронтовых кинооператоров / сост. А.А. Лебедев, Д.Г. Рымарев. М.: Искусство, 1984. С.121.

дельными кадрами раскрыть облик времени, что он сумел увидеть, как понял, оценил и донес до других увиденное», – вспоминал Семен Семенович Школьников¹.

В самом начале войны у большинства операторов были советские механические камеры «КС», с ними кинохроникеры дошли до Берлина². Их надо было ставить на штатив, что делало невозможным репортажную съемку. «Пока солдаты меняли патроны, операторы перезаряжали пленку, две бобины по 30 метров – всего две минуты записи. Электрического питания у камеры «КС» нет. Пружинный механизм. Надо взводить вручную перед каждым «мотором». Чтобы зарядить пленку в аппарат и не засветить ее, действовать приходилось в полной темноте. В войну научились делать это прямо во время боя, наощупь, внутри плотного мешка»³.

Из-за слабой оптики приходилось приближаться к объекту съемки как можно ближе, буквально на 5-10 метров. Звука не было. Во время битвы за Москву операторам приходилось снимать в лютый мороз – температура опускалась до минус 35 градусов. Операторы не столько снимали, сколько отогревали технику под полушубками. Позже были закуплены легкие портативные камеры «Аймо», но с запасом пленки всего на две минуты. В боях за Ленинград операторы впервые использовали телеоптику, что дало более четкое изображение, выразительность. Бои за Витебск снимали уже на цветную пленку. Потом у некоторых операторов появились трофейные камеры, которые работали в любых погодных условиях и снимали качественно.

Операторы обычно работали парами. Пока один снимает, другой ведет машину, оценивает безопасность. Иногда операторам выделяли водителя. Тогда оба оператора ехали в кузове, глядя на небо, чтобы не пропустить авианалет. Один оператор снимал более крупные планы, другой – общие. И если кто-то из них был ранен или погибал, его товарищ продолжал работать. Монтировать отснятые пленки приходилось самим. Машины операторов назывались ГАЗ-ММ «Коломбина». В обиходе – «полуторки». Кузов был сконструирован в виде купе, где, кроме спальных мест, стояла печка, хранилась кинопленка, аппаратура, продовольствие и горючее. Иногда «полуторки» приезжали с убитыми коллегами и их разбитыми камерами.

Практиковалась съемка с воздуха. Первые кадры с борта самолета во время Великой Отечественной войны запечатлел Николай Александрович Вихирев. Это была бомбардировка фашистской танковой колонны в конце июля 1941 г. После этого многие операторы написали заявления о переводе их в эскадрильи⁴. Летали на местах штурманов или стрелков в зависимости от вида самолета. Борис Ильич Шер летал на самолетах на месте стрелка, снимая воздушные бои, в 1943 г. сбил из авиационного пулемета немецкий истребитель «Фокке-Вульф-190» и снял его падение. То есть кинооператоры не только фиксировали происходящее, но и выполняли боевые задачи. Р.Л. Кармен описывал свой опыт так: «Камеру мы установили у самолета, вернувшегося с боевого задания. Съемка велась непрерывно, но надо было смотреть по сторонам. В случае приближения вражеских истребителей следовало убрать камеру. Кроме ручной камеры, еще одна устанавливается в бомболоке объективом вниз. Мотор подключили к аккумулятору, пусковую кнопку вывели к штурманскому сидению. Ручной камерой оператор снимал летящие рядом в строю самолеты, чтобы снимать бомбы, отделявшиеся от самолетов. Бывало, что самолет попадал в поток воздуха, машина шла не по намеченной ранее высоте, оператор

¹ Школьников С. В объективе – война. М.: Воениздат, 1979. С. 76.

² Майоров Н., Казючиц М., Похитонов Ю. Все для фронта, все для Победы! // Мир техники кино. 2015. Т. 9. № 2 (36). С. 40.

³ Ломидзе А. Подвиг кинооператоров: как удалось запечатлеть ужасы осажденного Ленинграда // МИР 24. 30.01.2022. Режим доступа: <https://mir24.tv/articles/16494118/podvig-kinooperatorov-kak-udalos-zapechatlet-uzhasy-osazhdenngo-leningrada> (дата обращения: 17.07.2023).

⁴ Костальцев М. Объективная история: как кинооператоры создавали летопись Второй мировой войны // Минск Новости. 20.05.2023. Режим доступа: <https://minsknews.by/obektivnaya-istoriya-kak-kinooperatory-sozdavali-letopis-vtoroj-mirovoj-voyny/> (дата обращения: 21.07.2023).

Фронтовой кинооператор Б.И. Шер в кабине заднего стрелка штурмовика Ил-2.

не видел бомбометание, соответственно ничего не снимал»¹ (Кармен, 2017: 165-166). Также снимали на аэродромах – возвращение экипажей с вылетов, ожидающих их людей.

В Ленинграде было много операторов объединенной киностудии, которая круглосуточно работала всю блокаду. Чтобы уберечь технику и пленку, ее прятали в вырытых во дворе киностудии траншеях. С 15 декабря 1941 г. в городе перестают подавать электричество. До января 1942 г. операторы работают, не зная, будет ли возможность проявить пленку, которой, как всегда, не хватало. Частично проблему удалось решить за счет запасов пленки на ленинградских предприятиях и остатков пленки на Ленфильме².

Операторы были прикреплены к различным подразделениям. Ефим Юльевич Учитель снял фильм «Ленинград в борьбе», за которую получил Сталинскую премию. Съемка фильма началась в феврале 1942 г., а его показ состоялся в июне 1942 г. Впоследствии его кадры стали основой для фильма «Прорыв блокады Ленинграда». Кадры, снятые Е.Ю. Учителем, вошли также в фильмы «Берлин» и

«Парад Победы». Снимать в блокадном Ленинграде было невыносимо трудно: непросто постоянно смотреть в лицо огромному человеческому горю, кроме того, каждую минуту оператор рисковал тем, что бдительные ленинградцы отведут его в милицию³. Жители осажденного города голодали, и операторы не были исключением. Е.Ю. Учитель вспоминал, что «после скудного пайка хлеба камера казалась невероятно тяжелой. Для того чтобы передвигаться с ней, пришлось приспособить санки сына»⁴.

Советские операторы испытывали все солдатские тяготы. Р.Л. Кармен в своей книге вспоминал: «Ужасно боевой вид был у нас. В стальных касках, с гранатами за поясом, с камерой в руках. Как же уныло выглядели мы уже через несколько дней. От героического облика не осталось и следа после того, как мы вдосталь напользались в черной болотной жиже под бомбежками, повалились в дорожной пыли, вымазались глиной <...> В Бокочихах мы почти ничего не сняли. Залегли на несколько часов, выдержали сильную воздушную бомбежку <...> Поднять голову было невозможно. Еле выбрались»⁵. Валентин Иванович Орлянкин первым снимал в упор уличные бои в Сталинграде. Будучи альпинистом, забирался в разбитые дома и снимал увиденный разгром. Первым снял лобовой танковый таран, находясь внутри машины, когда танк давил дот. Ефим Давидович Лозовский фиксировал бои прямо из башни идущего в атаку танка. С.С. Школьников рассказывал, что, сопровождая разведчиков, съемку не вели, так как шум аппарата мог выдать перемещение военных и сорвать задачу. Поэтому включить камеру позволили только после возвращения разведчиков с задания. К партизанам на оккупированные территории операторов забрасывали авиацией. Они прыгали с парашютом вместе с тех-

¹ Кармен Р.Л. Под пулеметным огнем. Записки фронтowego оператора. М.: Алгоритм, 2017. С. 165-166

² Вольман Н.Б. Ефим Учитель. Л.: Искусство, 1976. С. 26.

³ Подвиг Ленинграда глазами Учителя. Режим доступа: <https://cont.ws/@nebeda/722403> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴ Голик М. «Ленинград в борьбе»: фильм блокадного города // Сеанс. 2018. Май. Режим доступа: https://seance.ru/articles/leningrad-v-borbe/#_ftn17 (дата обращения: 21.07.2023).

⁵ Кармен Р.Л. Под пулеметным огнем. Записки фронтowego оператора. М.: Алгоритм, 2017. С. 93, 105.

ником. Не всегда этот план удавалось осуществить с первого раза. Самолет, который должен был забросить Николая Владимировича Быкова, попал под сильный зенитный обстрел, пришлось вернуться и на следующий день повторить вылет. Операция прошла успешно.

Во время Великой Отечественной войны погибло много операторов при исполнении профессионального долга. Почти все оставшиеся в живых были ранены или контужены. «Мы, фронтовые операторы, лезли, очертя голову, в самое пекло боя, чтобы снять настоящую войну, не думая в тот момент, что жизнь твоя может оборваться в одно мгновение. Главное – снять!» – так вспоминал о войне С.С. Школьников¹.

Оператор Владимир Александрович Сущинский с первых дней войны рвался на передовую, повторяя: «Могу снимать в любых условиях, в любых обстоятельствах»². Был призван в армию и отправлен на Карельский фронт. Снимал под Ленинградом пленных, волховскую переправу, высадку на берег десанта, работу окопного радиста. В.А. Сущинский наставлял боевых товарищей: «Главная задача военного оператора – сделать кинорепортаж из земного ада. Необходимо снять острые моменты боя и превратить их в произведение искусства»³. Его материалы легли в основу документального фильма «Фронтовой кинооператор» (1946 г.). Спустя полгода после начала войны В.А. Сущинского отправили с киногруппой на Ленинградский фронт. Там он получил медаль «За оборону Ленинграда». Тогда же был переведен на должность кинооператора. Камерой «Аймо», с которой не расставался до самой гибели, снимал все, что происходило вокруг. Снимал освобождение Польши, освобождение Севастополя, форсирование Днепра. Стал победителем в социалистическом соревновании среди фронтовых кинооператоров. Награжден орденом Красного Знамени. За выдающиеся съемки на фронтах в 1943–1944 гг. ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии. Погиб в Бреслау в феврале 1945 г. с камерой в руках от осколка снаряда. Его последними словами были: «Кадры... кадры... в них вся история наших побед...».

Павел Александрович Лампрехт, Анатолий Иванович Знаменский, Владимир Алексеевич Сумкин были операторами киногруппы Балтийского флота. Погибли в порту Таллина во время бомбардировки кораблей, когда военные эвакуировали мирное население. Они находились на транспорте «Вирония». С.С. Школьников описал гибель коллеги П.А. Лампрехта так: «Оператор стал часто уходить под воду и с большим усилием выплывал опять на поверхность, но аппарат оставался все время над водой. Все это продолжалось несколько минут. А затем оператор медленно ушел под воду. Аппарат еще несколько секунд был виден, но потом и он медленно погрузился в воду и больше уже

Слева направо: Р.Л. Кармен, Э. Хемингуэй и Й. Иверс в Испании, 1937 г.

¹ Кино для Победы // Культура.РФ [сайт]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/104904/kino-dlya-pobedy> (дата обращения: 21.07.2023).

² Мельникова М. Кто поможет сохранить память о фронтовом кинооператоре Владимире Сущинском? // Известия Мордовии. 2021. 27 нояб. Режим доступа: Кто поможет сохранить память о фронтовом кинооператоре Владимире Сущинском (izvmor.ru) (дата обращения: 21.07.2023).

³ Крапивин С. Белорусские хроники 1945-го. Премьера легендарного фильма «Освобождение советской Белоруссии». Режим доступа: <https://news.tut.by/society/436448.html> (дата обращения: 21.07.2023).

не показывался на поверхности моря»¹. Виктор Николаевич Муромцев погиб 30 апреля 1945 г. под Триестом – в него попал снаряд.

Из-за больших потерь среди операторов было принято решение обучить группу киноавтоматчиков. Это поручили оператору Николаю Александровичу Лыткину, который до войны снимал золотые прииски, ловлю тигров на Дальнем Востоке и др. На фронт попал в первые дни войны. В своей книге «Как в кино. Записки кинохроникера» вспоминал, как это было: «У нового нашего начальника, известного режиссера Александра Медведкина, возникла идея обучить киносъемке самых смелых солдат из разведчиков. Командование фронта пошло навстречу. Отбирая ребят в частях, им говорили, что они будут осваивать новый вид оружия. Мне было поручено заниматься с первой группой сержантов, обучать их технике съемки. Солдатские киноаппараты внешне были похожи на автоматы ППШ. Во время съемки надо было целиться, как из ружья, в котором вместо ствола была толстая трубка с объективом. Внешне это выглядело очень эффектно, по-военному – кинопулемет!»². То есть пока шел бой, велась съемка. Однако кадры оказались недостаточно качественными для дальнейшего использования. Можно сказать, что это было предтечей использования экшн-камер во время войны.

Кинооператорами были и женщины. Галина Николаевна Захарова работала на Ленинградском фронте, снимала Сталинградскую битву, освобождение Варшавы. До последней минуты скрывала свою беременность, продолжала снимать, боясь, что ее из блокадного Ленинграда отправят рожать на Большую землю. Оттилия Болеславовна Рейзман и Мария Ивановна Сухова фиксировали жизнь и борьбу белорусских партизан. О.Б. Рейз-

Оттилия Рейзман

ман после выхода из окружения в Белоруссии работала на Втором Украинском и Дальневосточном фронтах. Снимала освобождение Венгрии и Чехословакии. М.И. Сухова родилась в бедной многодетной семье. Не смогла окончить школу, помогала семье по хозяйству. Рано пошла работать домработницей, уборщицей и разнорабочей. Потом училась на общеобразовательных курсах. Впоследствии стала ассистентом О.Б. Рейзман. 7 ноября 1941 г. снимала парад на Красной площади. Ушла на фронт уже в качестве са-

мостоятельного оператора. Работала с партизанами, которые освобождали Белоруссию, находясь в глубоком тылу у фашистов. Снимала практически круглосуточно. В 1944 г. отряд попал в окружение. Во время боя М.И. Сухова была тяжело ранена и погибла.

Роль документальных фильмов периода Великой Отечественной войны

В 1942 г. вышел документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», в котором рассказывалось о наступательной операции советских войск под Москвой в декабре 1941 г. – январе 1942 г. В фильме была показана первая крупная победа Красной армии, что сильно вдохновило советский народ на дальнейшие подвиги. Фильм получил Государственную премию СССР и премию «Оскар» как лучший фильм года. Фильм был продемонстрирован в 28 странах. Для показа в США фильм был адаптирован для американского зрителя: переозвучен и перемонтирован. Название заменили

¹ Школьников С. Фронтовой кинооператор // Искусство кино. 2007. № 5. Режим доступа: <https://old.kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article20> (дата обращения: 21.07.2023).

² Лыткин Н. Как в кино. Записки кинохроникера. М.: Современник, 1988. С. 141-142.

на «Moscow Strikes Back» («Москва наносит ответный удар»). Фильм получил от Национального совета кинокритиков США премию за лучший документальный фильм в 1942 г., а в 1943 г. – первый в СССР «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм».

В 1943 г. на основе кинохроники был смонтирован фильм «Сталинград», рассказывающий о Сталинградской битве и подвиге народа.

Фильм Р.Л. Кармена «Кинодокументы о зверствах немецко-фашистских захватчиков» был смонтирован за месяц и также демонстрировался во время заседаний трибунала. В зале суда были установлены кинопроектор и экраны. Кадры этого фильма стали уликами обвинения на Нюрнбергском процессе. Операторы запечатлели камеры пыток, останки сожженных живых людей, отрезанные части тел пленных красноармейцев. Также были показаны цех по переработке людей на кости, контейнеры со снятой кожей, горы отрубленных голов и мыло из человеческого жира, убитых детей. Развалины музеев и других культурных объектов также производили удручающее впечатление. Сам Р.Л. Кармен в то же время был оператором на процессе, параллельно снимал все происходящее для фильма «Суд народов».

На Каннском фестивале в 1946 г. фильм Ю.Я. Райзмана «Берлин» шел под аплодисменты зала. Французские критики писали, что надо учиться у русских. Одновременно западная цензура вырезала кадры из многих советских фильмов, убирая «жестокое». Официальное объяснение: «Зрителя надо щадить».

Фронтальная киногруппа Северо-Западного фронта, 1941 г.

Статуэтка американской киноакадемии «Оскар», которой был удостоен документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой»

Война во Вьетнаме

(Первая индокитайская война)

Первыми во Вьетнам отправились опытные кинодокументалисты Р.Л. Кармен, Е.В. Мухин и В.С. Ешури. Посол Демократической Республики Вьетнам в СССР заранее проинструктировал их по поводу «хранения пленки, упаковки аппаратуры, условиях жизни в необычном климате»¹. Группа прибыла во Вьетнам в мае 1954 г. и проработала там полгода. Техника и сопутствующие предметы весили почти 900 кг. Операторы работали порознь каждый на своем участке. Все снятые кадры легли в основу документального фильма «Вьетнам». Но в окончательную версию попали и кадры вьетнамских коллег, которые много лет снимали кровопролитные бои, пока шла эта война. После

¹ Соколов А.А. Из истории создания фильма «Вьетнам» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 143.

Кинооператор-документалист
Е.В. Мухин.

того, как фильм вышел, Р.Л. Кармен получил письмо от вьетнамского оператора Нгуен Динь Тхи: «Ты пешком прошел десятки километров, чтобы собрать хорошие материалы. Ты и твои товарищи работали дни и ночи, чтобы как можно лучше найти верное отражение борьбы нашего народа. Трудности, ливни, дожди, недостаток средств передвижения – все это не сломало твою волю, волю твоих товарищей, железную волю советских людей»¹.

Война в Афганистане

Операторы были сотрудниками Гостелерадио СССР. Первое время они использовали кинокамеры со штативом. Требовалось перезаряжать кассету каждые 10 минут. Пленки переправлялись в Москву, где их проявляли и монтировали, готовя к показу. Журналист Михаил Борисович Лещинский вспоминал: «Отдаешь в чужие руки то, что ты огромным трудом добываешь, – эти двухминутные репортажи для программы “Время”, а здесь их монтируют чужие руки. Еще неизвестно, какие. Очень часто холодные. Мальчики и девочки только пришли. Им все равно»². В 1985 г. разрешили показывать реальные боевые действия. До этого времени стоял запрет на такой контент. Решение принимало Политбюро.

Тележурналист М.Б. Лещинский во время работы в Ограниченном контингенте советских войск в Афганистане.

Заключение

Цифровая среда привнесла изменения в работу операторов. Совершенствуется техника, появляется новая, увеличивается мобильность. Современному военному оператору приходится быстро обучаться, чтобы снимать войны. Но этические законы остаются теми же: не навреди.

В 2020 г. в Красногорске был открыт монумент фронтовому кинооператору, увековечивший память героев, которые, рискуя жизнью, доносили правду об ужасах войны. А во время шествий Бессмертного полка потомки фронтовых кинооператоров встают в отдельную колонну и идут, напоминая о подвиге своих дедов, прошедших войну с кинокамерами.

Библиография

1. Баталин В.Н., Малышева Г.Е. Последний фильм Скобелевского комитета «Красная Финляндия» // Вестник архивиста. 2017. № 3 (139). С. 35-50.
2. Белгородская Л.В., Дроздов Н.И., Воног Е.А. Повседневность гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» (1918-1920 гг.) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3 (25). С. 9-26.

¹ Там же. С. 149.

² Правда главного афганского репортера Михаила Лещинского // Сладков +. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=P19XKeEbDR0> (дата обращения: 20.07.2023).

Памятник фронтовому кинооператору в Красногорске

3. Беляков В.К. Историко-художественный потенциал дореволюционной кинохроники: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03. М., 2019.
4. Беляков В.К. Кинолетопись Первой мировой войны: смыслы и значения // Вестник ВГИК. 2023. Т. 15. № 1 (55). С. 8-21.
5. Вольман Н.Б. Ефим Учитель. Л.: Искусство, 1976.
6. Голиков А.Г. Визуальные источники по истории Гражданской войны в России: фотография и кинохроника // Гражданская война в России (1918-1922 гг.): сб. мат. конф. «Столетие Гражданской войны в России». Москва, 17 апреля 2019 г. М.: Алетейя, 2020. С. 5-21.
7. Джанджугазова Е.А. Фронтовые операторы: неразрывная связь времен и поколений // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2. № 2. С. 208-220.
8. Заводчиков В.В. Работа кинооператоров Куйбышевской студии кинохроники на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История и археология: мат-лы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 20-23 ноября 2012 г. СПб.: Реноме, 2012. URL: csdfmuseum.ru (дата обращения: 19.07.2023).
9. Их оружие – кинокамера. Рассказы фронтовых кинооператоров / сост. А.А. Лебедев, Д.Г. Рымарев. М.: Искусство, 1984.
10. Кармен Р.Л. Под пулеметным огнем. Записки фронтового оператора. М.: Алгоритм, 2017.
11. Лыткин Н. Как в кино. Записки кинохроникера. М.: Современник, 1988.
12. Магидов В.М. Источники о деятельности Скобелевского комитета и его роли в отечественном кинопроцессе накануне и в ходе Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. // Первая мировая: неоконченная война: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914-1918 гг., «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914-1918 гг. на современном этапе развития исторической науки». М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. С. 122-154.
13. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005.
14. Майоров Н., Казюиц М., Похионов Ю. Все для фронта, все для Победы! // Мир техники кино. 2015. Т. 9. № 2 (36). С. 34-40.
15. Минаева О.Д. История отечественной журналистики. 1917-1945. М.: Аспект Пресс, 2018.
16. Первая мировая война в зеркале кинематографа: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / ред.-сост. Д.Л. Караваев, С.М. Ишевская, А.В. Лагутина. Москва, 8-9 октября 2014 г. М.: Всероссийский государственный институт кинематографии, 2014.

17. Ряпусова Д.Н. Киноиндустрия «Большого Урала» в годы Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 28 (204). С. 58-64.

18. Соколов А.А. Из истории создания фильма «Вьетнам» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 143-150.

19. Школьников С. В объективе – война. М.: Воениздат, 1979.

ВОЕННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ В ЧЕРНОБЫЛЕ

40 лет назад, 26 апреля 1986 г., произошла катастрофа на Чернобыльской атомной станции. В ликвидации ее последствий были задействованы все возможные силы и средства. В одном строю боролись с радиоактивной стихией и пожарные, и военно-служащие, и ученые... Свой вклад в общее дело внесли и военные журналисты. Они информировали читателей ведомственных СМИ о ходе проводимых в зоне ЧС работ, рассказывали о подвигах солдат и офицеров.

Сегодня о командировках в Чернобыль вспоминают военные журналисты полковник в отставке С.А. Князьков (г. Москва), подполковник в отставке Ю.С. Маслюк (г. Волгоград).

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСЛЕ ВЗРЫВА

Полковник в отставке Сергей Анатольевич Князьков, в 1985-1986 гг. корреспондент газеты «Во славу Родины» Белорусского военного округа, участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, в 1991-2010 гг. корреспондент центральной военной газеты «Красная звезда»:

В апреле 1986 г. я служил в отделе комсомольской жизни газеты «Во славу Родины» Белорусского военного округа (г. Минск).

26 апреля 1986 г., суббота... В этот день произошла катастрофа на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции на территории Киевской области Украинской ССР. Трагедия планетарного масштаба! Но поначалу руководство страны решило «не беспокоить» граждан Советского Союза... Мы с женой взяли купальные принадлежности и пошли загорать на Комсомольское озеро недалеко от нашей квартиры в Минске. Ярко светило солнце, рядом с нами разместились многочисленные другие отдыхающие. А ведь уже тогда необходимо было предпринять защитные меры!

И только через день, в понедельник 28 апреля, придя на службу в редакцию газеты «Во славу Родины», я узнал о Чернобыльской катастрофе. Главный редактор полковник Яков Игнатьевич Рассеко объяснил всю серьезность ситуации.

– В район аварии, – сказал он, – убыл полк Гражданской обороны из состава Белорусского военного округа и ряд других подразделений округа. Наша задача – освещать их работу по ликвидации аварии!

Более того, оказалось, что уже в день катастрофы редакционного фотокорреспондента Петра Дюбина подняли по тревоге и в составе группы офицеров

штаба, политуправления БВО на вертолете отправили в Чернобыль. Вернувшись в редакцию, он только и твердил, какая высокая там радиация!

Через несколько лет сослуживцы хоронили безвременно ушедшего фотокора «Во славу Родины» и не сомневались, что полученное облучение в Чернобыле укоротило земную жизнь Петра Дюбина.

259-й отдельный механизированный полк Гражданской обороны СССР Белорусского военного округа (в/ч 11905) в мирное время размещался на территории Белоруссии вблизи военного городка Околица, который располагается между мемориальным комплексом «Курган Славы» и спортивным национальным олимпийским комплексом «Раубичи». Он одним из первых был введен в Чернобыльскую зону в полном составе (700 человек), совершив марш по маршруту: Околица–Бобруйск–Хойники–Брагин (Гомельской области Белоруссии). Местом постоянной дислокации полка был Брагинский район

(деревни Савичи, Рудаково, Дропыш и др.). Личный состав проводил химическую разведку загрязненных территорий, берегов реки Припять, дезактивацию населенных пунктов и техники, "хоронил" рыжий лес и зараженную технику, строил военные городки и могильники, обрабатывал дороги, выполнял сотни других задач.

Вскоре в 30-километровую зону отчуждения стали выезжать в командировки и журналисты «Во славу Родины». Например, подполковник Леонид Лещинский посетил Брагинский район, в котором работали по дезактивации деревень воины отдельного механизированного полка БВО, летал с вертолетчиками над самой Чернобыльской АЭС.

Мне выпало отправиться в командировку в Чернобыль в первых числах июня 1986 г.

Из Минска на обычном рейсовом автобусе добрался в деревню Перки Гомельской области, где размещалась оперативная группа БВО, и отработал в войсках, выполняющих задачи в 30-километровой зоне отчуждения, три дня. Совместно со старшим инструктором по комсомольской работе политуправления БВО капитаном С. Кочергой ездил по воинским подразделениям, принял участие в работе комсомольского актива БВО. На самой ЧАЭС побывать не пришлось, но видел ее с БТР на расстоянии в несколько сотен метров.

Мы посещали брошенные деревни, смотрели, как идет

дезактивация техники, видели работу вертолетов, беседовали с офицерами, прапорщиками и солдатами. Все мужественно, с сознанием воинского долга выполняли свои обязанности.

Более в Чернобыль я не ездил, так как в июле был отправлен в отпуск, а в августе поступил учиться на редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии имени В.И. Ленина. В феврале 2001 г. с формулировкой «за мужество и героизм, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» награжден орденом Мужества.

С первых же дней после катастрофы на Чернобыльской АЭС так же активно освещали ход ликвидации ее последствий военные журналисты газеты «Ленинское знамя» Киевского военного округа (кстати, именно в этой газете в декабре 1979 г. – январе 1980 г. мне довелось на 4-м курсе ЛВВПУ проходить стажировку в отделе партийной жизни), других ведомственных изданий. Например, Игорь Чачух, ныне главный редактор «Военно-исторического журнала», полковник запаса, заслуженный журналист Российской Федерации, выезжал в командировку в Чернобыль в октябре 1986 г., будучи корреспондентом газеты «На страже Родины» Ленинградского военного округа (г. Ленинград). Со временем получил статус участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и был награжден медалью «За спасение погибавших».

Право на звание «Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС»

Первый закон, посвященный социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, был принят 12 мая 1991 г. Это Закон СССР «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы». Его ввел в действие Верховный Совет СССР постановлением от 12 мая 1991 г. № 2147-1.

Закон устанавливал правовые гарантии и меры социальной поддержки для различных категорий граждан, подвергшихся воздействию радиации. Закон вводился в действие с 1 сентября 1991 г. В нем уточнялось, что действие настоящего Закона распространяется на территории РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, подвергшиеся загрязнению окружающей среды радиоактивными веществами вследствие чернобыльской катастрофы.

В статье 12 уточнялось, на каких граждан распространялось применение данного Закона:

1) лица, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь, вызванную последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, а также инвалиды, в отношении которых установлена причинная связь наступившей инвалидности с чернобыльской катастрофой, из числа:

а) лиц (в том числе временно направленных или командированных), принимавших участие в ликвидации последствий аварии в пределах зоны отчуждения или занятых на эксплуатации или других работах на Чернобыльской АЭС;

б) лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, проходивших (проходящих) службу в зоне отчуждения;

в) военнослужащих и военнообязанных, призванных на специальные сборы и привлеченных к выполнению работ в зоне отчуждения, связанных с ликвидацией последствий указанной аварии;

г) лиц, эвакуированных (выехавших в добровольном порядке) в 1986 г. из зоны отчуждения, а также проживающих (проживавших) с 26 апреля 1986 г. в зоне отселения и в зоне проживания с правом на отселение;

2) лица (в том числе временно направленные или командированные), принимавшие в 1986–1987 гг. участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в пределах зоны отчуждения или занятые в этот период на эксплуатации или других работах на Чернобыльской АЭС, а также военнослужащие и военнообязанные, призванные на специальные сборы и привлеченные к выполнению в этот период работ, связанных с ликвидацией последствий указанной аварии, независимо от места дислока-

ции и выполняемых работ, а также лица начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, проходившие в 1986–1987 гг. службу в зоне отчуждения;

3) лица (в том числе временно направленные или командированные), принимавшие в 1988–1989 гг. участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в пределах зоны отчуждения или занятые в этот период на эксплуатации или других работах на Чернобыльской АЭС, а также военнослужащие и военнообязанные, призванные на специальные сборы и привлеченные к выполнению в этот период работ, связанных с ликвидацией последствий указанной аварии, независимо от места дислокации и выполняемых работ, а также лица начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, проходившие в 1988–1989 гг. службу в зоне отчуждения;

4) лица, занятые на эксплуатации Чернобыльской АЭС и на работах в зоне отчуждения;

5) лица, эвакуированные (выехавшие в добровольном порядке) в 1986 г. из зоны отчуждения или переселенные (переселяемые), а также выехавшие в добровольном порядке из зоны отселения в 1986 г. и в последующие годы, включая детей, которые на день эвакуации находились во внутриутробном состоянии;

6) лица, проживающие (работающие) в населенных пунктах на территории зоны проживания с правом на отселение;

7) лица, проживающие (работающие) в населенных пунктах на территории зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом;

8) лица, проживающие (работающие) в зоне отселения;

9) лица, выехавшие в добровольном порядке на новое место жительства из зоны проживания с правом на отселение после аварии на Чернобыльской АЭС;

10) военнослужащие и лица начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, проходящие (проходившие) военную службу (службу) в зоне отселения, зоне проживания с правом на отселение и в зоне проживания с льготным социально-экономическим статусом.

Позже этот закон стал основой для российского законодательства. В Российской Федерации действует Закон РФ от 15 мая 1991 г. №1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Он неоднократно изменялся и дополнялся.

Законодательство установило, что претендовать на статус участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС могли граждане, которые принимали участие (выезжали в командировки) в период с 26 апреля 1986 г. по 31 декабря 1990 г. Подтверждал статус соответствующее удостоверение.

В Российской Федерации 1 июля 1993 г. Министром обороны РФ был издан приказ № 335 «О порядке выдачи в Вооруженных Силах Российской Федерации удостоверений, дающих право на компенсации, льготы и преимущества, установленные законодательством для лиц, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также пострадавших от других радиационных воздействий». Согласно ему, чернобыльское удостоверение могли выдавать: главные штабы видов Вооруженных Сил РФ, штабы округов, групп войск, флотов, родов войск, главные и центральные управления Министерства обороны РФ, военные комиссариаты республик в составе РФ, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга.

Основанием для выдачи удостоверения участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и нагрудного знака являлись:

– офицерам, прапорщикам, мичманам, военнослужащим сверхсрочной службы – запись в личном деле по установленной форме, сделанная кадровым органом по месту службы на основании справки установленного образца о пребывании в зоне отчуждения (30-км зоне).

Документами, подтверждающими участие лиц в работах (выполнении служебных обязанностей) в зоне отчуждения (30-км зоне) могли быть:

– командировочные удостоверения с отметками «Прибыл...», «Убыл...», с записью в нем о праве на повышенную оплату труда за время работы в зоне отчуждения (30-км зоне), сделанными в воинской части;

– выписки из приказов этих воинских частей либо из архивов, куда эти воинские части сдали свои документы, о времени прибытия и убытия из воинской части и об участии в работах в зоне отчуждения (30-км зоне) ЧС;

– справки из финансового органа о выплате денежного содержания (не командировочных расходов) в повышенных размерах за время пребывания в зоне отчуждения (30-км зоне) ЧАЭС и другое.

При наличии документов, подтверждающих участие в работах (выполнении служебных обязанностей) по ликвидации последствий катастрофы в зоне отчуждения (30-км зоне) ЧАЭС и после их проверки Генеральным штабом (Главным организационно-мобилизационным управлением) выдается офицерам и другим категориям граждан справка установленного образца за подписью заместителя начальника Генерального штаба, являющаяся основанием для выдачи удостоверения и нагрудного знака.

Признаться, лично я начал задумываться о получения статуса участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, лишь спустя семь лет после командировки в Чернобыльскую зону отчуждения в июне 1986 г. Почему? Полагал, что срок моей командировки был слишком мал, чтобы претендовать на высокое звание, да и просто-напросто стеснялся.

Приказ МО РФ № 335 от 1 июля 1993 г. стал руководством к действиям. Причем, за поиском необходимых подтверждающих документов в Минск в редакцию газеты «Во славу Родины», уже Центрального печатного органа Министерства обороны Республики Беларусь, выехала моя жена Ирина.

Ей удалось найти и приказ главного редактора газеты «Во славу Родины» Белорусского военного округа о моей командировке в 30-км зону отчуждения, и финансовые документы о выплате денежного содержания (не командировочных расходов) в повышенных размерах за время пребывания в зоне отчуждения (30-км зоне) ЧАЭС... В Москве эти документы наряду с копиями газет «Во славу Родины» из чернобыльской командировки я отправил для проверки в Генеральный штаб. Получил искомую справку Генштаба, на основе которой 20 августа 1994 г. мне было выдано удостоверение (еще союзного образца) участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. за подписью заместителя начальника Главного управления кадров МО РФ. Позднее союзное чернобыльское удостоверение было 19 февраля 2004 г. заменено на российское за подписью министра обороны РФ С.Б. Иванова...

Чернобыльцы центральной военной газеты «Красная звезда»

В центральную военную газету «Красная звезда» я был назначен 20 февраля 1991 г. До этого после окончания Военно-политической академии имени В.И. Ленина служил в газете «Советский воин» Сибирского военного округа (г. Новосибирск). Поэтому во исполнение приказа ГлавПУра главный редактор окружной газеты подполковник Владимир Чилигин издал свой приказ № 41 от 5 марта 1991 г., в соответствии с которым я должен был убыть к новому месту службы. В Москву прибыл в первой декаде марта 1991 г. и был назначен в отдел пропаганды, который очень скоро переименовали в группу военно-политического анализа, а позднее – в группу военно-политической информации.

В 1991 г. в «Красной звезде» служили немало военных журналистов – фронтовиков, маститых писателей и поэтов – цвет редакционного коллектива. Особым почетом также были окружены офицеры, прошедшие дорогами Афганистана. На их фоне меньше внимания привлекали к себе чернобыльцы – на мой взгляд, совершенно не заслуженно: заместитель главного редактора полковник Виталий Мороз, корреспондент отдела боевой подготовки Сухопутных войск полковник Иван Сергеев, постоянный корреспондент «Красной звезды» по Киевскому военному округу полковник Анатолий Поляков,

постоянный корреспондент газеты «Красная звезда» по Белорусскому военному округу полковник Валерий Ковалев и другие.

Вот как вспоминает о тех горячих событиях главный редактор газеты «Красная звезда» в 1992-1998 гг. капитан 1 ранга в отставке Владимир Чупахин (на момент взрыва на ЧАЭС – заместитель главного редактора «Красной звезды»):

«Жизнь все время подбрасывала главному редактору «Красной звезды» генерал-лейтенанту Ивану Митрофановичу Панову (с 13 июля 1985 по 26 марта 1992 гг. – Прим. авт.) сложные испытания. Апрель-май 1986-го... Чернобыль. В первые дни – полное непонимание, что же произошло. Катастрофический взрыв на Чернобыльской АЭС прогремел 26 апреля, а Горбачев с более-менее внятным обращением к народу выступил аж 15 мая. До этого Совмин и МИД в основном занимались опровержениями западных «инсинуаций»: мол, недруги раздувают масштабы аварии, на самом деле погибли только два (?) человека... В то же время редакция получала тревожную информацию из войск: то одна воинская часть направляется в зону катастрофы, то другая.

В один из первых майских дней Панов выступил на редколлегии с таким заявлением: «Мы не знаем масштабов аварии, не знаем, почему она произошла. Но мы знаем то, что сейчас там, в Чернобыле, совершается подвиг. И совершают его люди в погонах».

После этого по указанию главного редактора в Чернобыль помчался посткор по КВО Анатолий Поляков. Благодаря его самоотверженной работе «Красная звезда» одна из первых стала публиковать не приглашенные тассовки, а собственные материалы о героических действиях ликвидаторов.

Потом Иван Митрофанович отправил в Чернобыль редактора отдела очерка и публицистики Виктора Филатова и фотокора Виталия Анькова. Они передали с места событий мощный «чернобыльский цикл» из нескольких репортажей и очерков. В частности, газета опубликовала репортаж «Под нами – реактор»: о том, что краснозвездовцы своими глазами увидели во время облета на вертолете места аварии. Проиллюстрирован репортаж был ставшим впоследствии классическим снимком разрушенного четвертого блока Чернобыльской АЭС, который сумел сделать Аньков.

После той яркой серии публикаций Филатова и Анькова Панов получил «рекомендацию» из горбачевского аппарата: не надо, мол, так педалировать тему, притушите ее. Нет, держать тему, которая так волновала читателей, было делом принципа. Поэтому вслед за первопроходцами в Чернобыль поехали и выдали новые серии репортажей и очерков Виталий Мороз, Николай Белан, Владимир Житаренко, Виктор Хабаров и др.».

Виталий Евгеньевич Аньков

И действительно в тех событиях особо отличился фотокор отдела оформления «Красной звезды» Виталий Аньков. Он пришел в «Красную звезду» в 1984 г. из газеты «Боевая вахта» Тихоокеанского флота (г. Владивосток), а в 1989 г. назначен редактором

журнала «Советский воин» по отделу художественного оформления. Виталия я знал еще по учебе на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища, которое он окончил на два года раньше меня в 1978 г. Именно фотокор капитан-лейтенант Виталий Аньков на пару с опытным пишущим военным журналистом полковником Виктором Филатовым первыми из московской редакции краснозвездовцев отправились в командировку в район ЧАЭС, спустя две

недели после катастрофы. С 11 по 17 мая Виталий Евгеньевич летал на вертолете, фото-

графируя разрушенный 4-й энергоблок станции, делал первые снимки тяжелого солдатского труда по ликвидации аварии. Эти фотографии перепечатавали многие СМИ мира. Но о подробностях своей командировки в Чернобыль Виталий никогда не делился:

– Описывать чернобыльскую командировку, извини, – выше моих сил, – отнекивался Виталий.

Я понимал Анькова: слишком тяжелые впечатления вынес он из той командировки, да и свое здоровье изрядно подорвал...

За работу в зоне ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС Виталий Аньков в 1986 г. стал лауреатом премии Союза журналистов СССР, 30 августа 1991 г. ему Главным военно-политическим управлением было выдано удостоверение участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, в апреле 2000 г. его наградили орденом Мужества.

В 1994 г. Виталий Аньков возвратился во Владивосток на должность фотокорреспондента «Красной звезды» по Дальнему Востоку. Выпало на его долю и освещение событий первой чеченской войны, контртеррористической операции на Северном Кавказе, за что он награжден орденом «За военные заслуги». В 2008 г. Виталий Евгеньевич уволился в запас в звании полковника.

Виктор Иванович Филатов

С Виктором Ивановичем Филатовым близко познакомиться мне не довелось. Он окончил Киевское военно-морское политическое училище (1959) и факультет журналистики Киевского государственного университета (КГУ) им. Т. Г. Шевченко (1966). Проходил службу в редакции газеты Киевского военного округа «Ленинское знамя», затем в «Красной звезде» (старший литературный сотрудник, спецкорреспондент, заместитель редактора отдела, редактор отдела очерка и публицистики). За 13 лет работы спецкором побывал в районах боевых действий во Вьетнаме, Никарагуа, Лаосе, Ираке, Югославии, Корее, на Кубе и в Афганистане.

Когда я пришел в «Красную звезду», он уже ее покинул и с 1988 г. по 1991 г. был главным редактором «Военно-исторического журнала», генерал-майором.

Один только его очерк «Под нами – реактор», проиллюстрированный фотографией Виталия Анькова и опубликованный в «Красной звезде» в мае 1986 г., говорит сам за себя...

Виталий Иванович Мороз

Заместитель главного редактора «Красной звезды» полковник Виталий Иванович Мороз пришел в редакцию в 1974 г. Сегодня его краснозвездовский стаж 52 года! Абсолютный рекорд верности «Красной звезде» и готовности, несмотря ни на какие проблемы и сложности, до конца разделить с ней свою судьбу!

А начиналась военная служба Виталия Мороза с Саратовского училища химических войск, где он сначала проходил срочную службу, а потом – учился курсантом. После окончания вуза лейтенант Мороз получил назначение в отдельный

батальон химзащиты под Харьковом, вывел свой взвод в отличные. Оттуда Виталий Иванович стал публиковаться в газету Киевского военного округа «Ленинское знамя», в которую в конце концов и взяли, а потом уже перевели в «Красную звезду».

Командировка в зону Чернобыля – одна из ярких строк его биографии. Понятно, что имея профильное образование военного химика, он без труда на месте разобрался в ситуации, подготовил ряд профессиональных газетных материалов.

Иван Павлович Сергеев

В 1991 г. подполковник Иван Сергеев служил в отделе боевой подготовки Сухопутных войск «Красной звезды». За его плечами, выпускника Московского военного училища гражданской обороны, был почти 20-летний

опыт службы в войсках Гражданской обороны (ГО), которая входила тогда в состав Вооруженных Сил СССР. Сергеев служил на Дальнем Востоке, в Германии. В 1986 г., будучи замполитом одного из полков химической защиты, участвовал в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Неоднократно ходил с подчиненными к разрушенному реактору. Получил большую дозу облучения. Впоследствии был награжден орденом Мужества.

Человек смелый, принципиальный, Сергеев критически оценивал состояние дел в частях Гражданской обороны и регулярно писал в «Красную звезду» о проблемах этого специфического рода войск. Начальник отдела боевой подготовки Сухопутных войск полковник Геннадий Миранович взял его в отдел. Сергеев в своих материалах неоднократно обращался к теме ликвидации аварии на

Чернобыльской АЭС, ее героев, социальной защиты чернобыльцев. Например, 1 апреля 1997 г. «Красная звезда» опубликовала его материал «Когда умирает надежда» с подзаголовком «Грустная история о том, как отзывается в нашей жизни страшное эхо Чернобыля», а какой живой отклик читателей вызвал его материал «Подаяние без покаяния» (в котором он отмечает, что льготы чернобыльцам после ряда редакций чернобыльского закона превратились в подачки, компенсации и выплаты – в издевательски смешные суммы). Этот материал в «Красной звезде» стал для Ивана Павловича последним... К тому времени он тяжело болел – сказала большая доза радиации, полученная в Чернобыле.

Умер Иван Павлович в своем родном нижегородском селе Натальино в 2002 г., в возрасте 48 лет. Лучевая болезнь все-таки задушила его.

Анатолий Петрович Поляков

С Анатолием Петровичем Поляковым я познакомился, когда в начале 1980-х он служил постоянным корреспондентом «Красной звезды» по Центральной группе войск (Чехословацкая Социалистическая Республика). Я в это время, в 1980-1985 гг., служил корреспондентом-организатором многотиражной газеты «Советский воин» 30-й гвардейской мотострелковой Иркутско-Пинской орденов Ленина и Октябрьской Революции, трижды Краснознаменной, ордена Суворова дивизии имени Верховного Совета РСФСР (г. Зволен, Центральная Словакия). Полковник Поляков неоднократно приезжал к нам в командировки – с тех пор между нами поддерживались теплые дружеские отношения.

В своих заметках я уже упоминал, что Поляков по распоряжению главного редактора «Красной звезды» генерал-лейтенанта Панова первым отправился в командировку в

Чернобыль из корпункта в Киеве. Вот как об этом вспоминает Владимир Леонидович Чупахин:

«Анатолий Петрович перевелся из Чехословакии в Киевский военный округ в конце апреля 1986 г., буквально за несколько дней до чернобыльской катастрофы. Только контейнеры с вещами разгрузил, и тут такая вводная: надо было бросаться на «амбразуру», срочно ехать в зону аварии. Еще толком не было понятно, что произошло, не было ясности и в том, о чем можно писать, о чем нельзя... Тем не менее Поляков сделал максимум того, что было возможно в той ситуации. Именно им были подготовлены первые репортажи о героических действиях воинов-ликвидаторов, именно он взял первое интервью у председателя правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС И.С. Силаева, и именно ему первому из краснозвездцев, увы, довелось получить немалую дозу коварных рентгенов...».

В дальнейшем он неоднократно поднимал тему ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в своих публикациях. Поляков оставался нашим посткором в Киеве и после того, как Украина объявила о своей независимости. К сожалению, что стало с Анатолием Петровичем после закрытия корпункта, мне неизвестно.

Валерий Николаевич Ковалев

С Валерием Николаевичем Ковалевым, в 1991 г. – постоянным корреспондентом «Красной звезды» по Белорусскому военному округу, я познакомился в сентябре 1985 г. в газете «Во славу Родины» БВО (г. Минск), куда меня назначили после Чехословакии. Ковалев служил там заместителем главного редактора, но потом вследствие ЧП был понижен в должности... Приезжая на сборы в Москву, он всегда тепло со мной общался. По роду своей службы и месту пребывания неоднократно выезжал в командировки в зону проведения работ по ликвидации аварии на ЧАЭС.

Анатолий Николаевич Антипов

В 1997 г. в «Красную звезду» прибыл полковник Анатолий Антипов. Анатолий Николаевич, выпускник Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища 1979 г., служил в войсках, газете «Красный воин» Московского военного округа, журнале «Ориентир», пресс-службе Минобороны. В «Красной звезде» офицер занял должность начальника отдела оборонной промышленности. Он выезжал в командировку в район Чернобыля в июне 1986 г. как корреспондент газеты «Красный воин» Московского военного округа. Был награжден медалью «За спасение погибавших». С 2006 г. по 2008 г. возглавлял РИЦ «Красная звезда». В настоящее время – военный пенсионер, член организации чернобыльцев Кузьминского района ЮВАО г. Москвы.

ПО ЗОВУ РОДИНЫ

Подполковник в отставке Юрий Степанович Маслюк (г. Волгоград), военный журналист внутренних войск МВД России (СССР), участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС:

В середине мая 1986 г. руководство внутренних войск МВД СССР приняло решение начать издание газеты для войск, задействованных в мероприятиях по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Полиграфическая база издания – типография газеты управления внутренних войск по Украине и Молдавии в Киеве («Советский часовой» – *Прим. авт.*). Там же был выделен кабинет для редакции новой газеты «По зову Родины». Редакция сменная. Командировали из других газет ВВ ежемесячно трех офице-

ров: редактора, ответственного секретаря и корреспондента-организатора. Первая смена – июнь 1986 г. Я в то время служил в Свердловске в газете «Сын Родины» управления ВВ МВД СССР по Уралу и попал во вторую – июльскую смену 1986 г. В каком качестве, точно не скажу. Редактором был майор Женя Артюхов (из московского журнала ВВ «На боевом посту»). А вот корреспондентские и ответсекские обязанности делили между собой я с Игорем Кубышевым (выпускник Львовского высшего военно-политического училища 1980-х гг., талантливый журналист, отличный фотограф, погиб в 1990-х в автомобильной аварии).

Редакции был придан УАЗик милицейской раскраски. За фактурой ездили по очереди в 30-километровую зону отчуждения, 10-километровую зону отчуждения и в зону строгого контроля – непосредственно на территорию Чернобыльской АЭС. Обычно обобщались за день. Но иногда, особенно если забирались на территорию Белоруссии, приходилось искать место для ночлега.

КПП в 30-и и 10-километровые зоны проезжали по командировочному удостоверению. В зону строгого контроля – по спецпропуску, выдаваемому спецкомендатурой АЭС.

Дозиметрический контроль был специфический. От применения армейских индивидуальных дозиметров комплекта ДП-22В все начали быстро отказываться. Там такой принцип работы – электрическая емкость разряжается под воздействием ионизирующего излучения. Контрольный прибор, входящий в комплект, регистрирует степень разрядки. Таким образом высчитывается доза облучения. Но этот дозиметр разряжается и в грозу или когда в дождь или туман под ЛЭП проедешь. Или рядом с мощным передатчиком постоишь. Потому начали использовать химические накопители радиации. Это такой маленький контейнер, прикрепляемый к одежде на манер значка. В контейнере – таблетка. Под воздействием радиации ее химический состав меняется. Таблетка сдается в спецлабораторию. Там делают анализ и определяют дозу облучения.

Этот метод стали применять повсеместно. Но не в случае всяких прикомандированных. Конечно, можно было стать на учет в лабораторию при каком-то подразделении. Но тогда бы пришлось каждый раз ездить туда для сдачи старой таблетки и получения новой. Потому для таких, как мы, был использован более простой способ. В командировочных удостоверениях мы ставили отметки во всех подразделениях или населенных пунктах – с указанием даты и времени. Эти удостоверения потом сдавались куда следует. Там по ним определяли дозу облучения следующим образом: химики-дозиметристы работали в Чернобыле достаточно добросовестно, они каждый день составляли карты

радиационной обстановки, часто даже с почасовой разбивкой. По эти картам и нашим командировочным и определялись дозы облучения. У меня, насколько помню, набралось 15 бэр.

Ионизирующее излучение – не самый опасный фактор радиационного загрязнения. Только на самой АЭС излучение было сильным. В других зонах больше всего доставала пыль. Аварийный реактор постоянно пыхтел. В атмосферу выбрасывались радиоактивные изотопы разных элементов. Тяжелые частицы (стронций, цезий) оседали быстро и рядом с АЭС. Они с дождями смывались вглубь почвы. А вот радиоактивный изотоп йода разносился ветрами очень далеко, с пылью поднимался в воздух. Интенсивность излучения небольшая. В основном альфа, которое даже одежда экранирует. Но, попадая в носоглотку, бронхи, легкие, радиоактивная пыль воздействует непосредственно на живую ткань. Потому мы постоянно носили респираторы. Хотя бы на шее. Как только ветер поднимался, натягивали респираторы на лицо. Если зевнул – пропустил порыв ветра, то спустя пару часов начинаешь покашливать, щитовидка увеличивается.

Из приятного. Когда возвращались из зоны и заходили в Киеве в спецодежде в магазин – затариться выпить/закусить – народ уступал очередь. И продавцы из-под прилавка доставали всякие вкусняшки. В зонах личный состав кормили по высшему классу. Насколько помню, суточная норма на бойца была 3.90 рублей (у летчиков-истребителей на боевом дежурстве, кажется, было 3.60).

...Испытание Чернобылем в разное время прошли 14,5 тысячи военнослужащих внутренних войск. 276 из них в 1986-1987 гг. были награждены орденами и медалями СССР. Еще около ста офицеров, прапорщиков и ветеранов войск, участвовавших в ликвидации последствий аварии, получили уже российские ордена Мужества и медали «За спасение погибавших».

Считаю, что газету «По зову Родины» мы делали неплохую. Но это «мое субъективное оценочное мнение». Жаль, что «за чернобыльские труды», кроме удостоверения федерального льготника, мне ничего не обломилось...

Фото предоставлены Юрием Маслюком и Сергеем Князьковым.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Ко Дню защитника Отечества отдел периодических изданий Государственной публичной исторической библиотеки РФ представил выставку, посвященную истории развития отечественной военной журнальной прессы. Отраслевая периодическая печать наряду с Вооруженными Силами страны всегда стояла на передовых рубежах защиты Родины. Сегодня в Российской Федерации издается свыше 50 журнальных изданий военной тематики общим годовым тиражом около 1 млн экземпляров. В условиях информационного противостояния современная специализированная периодическая печать вносит весомый вклад в борьбу с фальсификацией истории и фейковыми нарративами.

Экспозиция состоит из четырех разделов: «Отечественная военная журналистика: вопросы изучения», «Дореволюционные военные журналы», «Военные журналы советской эпохи», «Современные военные журналы России».

Первый раздел освещает основные направления историографии военной журналистики. Среди экспонатов – библиографические указатели, монографии, авторефераты, научные статьи, посвященные изучению военной периодической печати, а также учебная литература и материалы прессы.

Второй раздел посвящен военным журналам, издававшимся в России с начала XIX в. до 1917 г., знакомит с историей развития следующих периодических изданий: «Армия и флот», «Артиллерийский журнал», «Братская помощь», «Верность», «Вестник русской конницы», «Вестовой», «Витязь», «Военно-исторический вестник», «Военно-медицинский журнал», «Военный журнал», «Военный мир», «Военный сборник», «Воин пахарь», «Известия императорской Николаевской военной академии», «Илья Муромец», «Интендантский журнал», «Летопись войны», «Летопись войны с Японией», «Морской сборник», «Разведчик», «Самоход», «Стрелец» и др.

Третий раздел выставки раскрывает систему советской военной журнальной периодики 1918-1991 гг. В числе экспонатов – «Агитатор и пропагандист Красной Армии», «Боец-охотник», «Блокнот агитатора», «Вестник противовоздушной обороны», «Военно-инженерный журнал», «Военно-инженерный зарубежник», «Военно-санитарное дело», «Военные знания», «Военный вестник», «Война и техника», «За оборону», «Коммунист Вооруженных Сил», «Красная Армия», «Красная звезда», «Красноармеец», «Красноармеец и краснофлотец», «Краснофлотец», «Красный командир», «Морской сборник», «Пограничник», «Советский воин», «Советский моряк», «Тыл и снабжение Вооруженных Сил» и др.

Заключительный раздел представляет военные журналы Российской Федерации с 1992 г., в числе которых «Военная мысль», «Военно-исторический журнал», «Военно-философский вестник», «Военный академический журнал», «Воин России», «Зарубежное военное обозрение», «Military Крым», «Морской сборник», «Parabellum novum», «Ориентир», «Орловский военный вестник», «Пограничник», «Российский военно-психологический журнал», «Советский морпех», «Старый Цейхгауз» и др.

Сергей Князьков

Козлов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

ХОЛИКОВ И.В.: «ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), роботизированных и беспилотных систем ведет к формированию качественно новой военно-технической реальности. Все это создает серьезные вызовы для существующих правовых механизмов. О проблеме правовой регламентации вооруженного противостояния в цифровую эпоху наш корреспондент побеседовал с доктором юридических наук, профессором, главным научным сотрудником центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации И.В. Холиковым.

– Иван Владимирович, готово ли международное гуманитарное право (МГП) к адаптации своих основополагающих принципов – различия, соразмерности и предосторожности – к новым объектам и субъектам вооруженного противостояния?

– Чтобы ответить на этот вопрос необходимо оценить конкретные технологии на предмет их соответствия нормам МГП (в частности, статьи 36 ДП I 1977 г.). Но, безусловно, военное применение новых технологий должно учитывать потенциальные гуманитарные последствия для гражданских лиц и гражданской инфраструктуры. Технологические достижения в области военного кибернетического потенциала позволяют вызывать наступление вредных последствий и причинять существенный ущерб гражданскому населению.

– Сегодня государства активно используют военный потенциал в области информационно-коммуникационных технологий, широко применяют автономные системы на основе искусственного интеллекта. Какие аспекты их использования касаются гуманитарной сферы?

– Все они имеют отношение к гуманитарным аспектам их использования и соблюдению МГП. Это и создание, и применение новых средств кибер- и информационной войны, повышение автономности систем вооружения и изменение характера принятия решений.

– Количество проводимых киберопераций постоянно увеличивается. Растет также и масштаб ущерба от их проведения для мирного населения. Не наступил ли момент, когда появилась необходимость выработать единую позицию государств к применимости норм МГП в информационно-коммуникационном пространстве?

– Киберсредства для атак разрабатывают большинство стран. Лидером являются США. В число ключевых игроков в данной сфере также традиционно входят Китай, Россия и Израиль. Вместе с тем все большее количество государств официально заявляют о планах по созданию и наращиванию собственных наступательных кибервозможностей. В 2026 г. появились свидетельства использования наступательного кибероружия. США применили его для отключения электроэнергии и подавления работы радаров ПВО в Каракасе в ходе операции по захвату президента Венесуэлы. Все это свидетельствует о

необходимости выработать единый подход стран к применению норм МГП в информационно-коммуникационном пространстве.

– Иван Владимирович, какие существуют новые угрозы для гражданского населения и инфраструктуры в ходе вооруженного конфликта?

– С помощью киберопераций воюющие стороны могут проникать в компьютерные системы и собирать, изменять, шифровать или уничтожать данные. Кроме того, могут манипулировать процессами, управляемыми скомпрометированной компьютерной системой. Функционирование различных «целей» в реальном мире, таких как промышленность, телекоммуникации, транспорт или правительственные и финансовые системы, может быть нарушено. Значительную гуманитарную проблему представляют также потенциальные кибероперации против критически важной гражданской инфраструктуры, включая здравоохранение. Обладая определенными специфическими особенностями, операции в киберпространстве существенно повышают риск эскалации конфликта и связанного с этим гуманитарного вреда.

– Вопрос применимости норм МГП к правовому регулированию использования военного киберпотенциала в вооруженном конфликте дискуссионный. Ваше мнение по этому поводу?

– Я сторонник того, что МГП применяется к кибероперациям во время вооруженного конфликта. Следовательно, МГП ограничивает их точно так же, как МГП регулирует применение любого другого существующего или разрабатываемого средства и метода ведения войны. И это не зависит от того, рассматривается ли киберпространство как новая область ведения военных действий, аналогичная воздушному, наземному, морскому и космическому пространству, или не является самостоятельной областью.

Моя позиция базируется на том, что договоры по МГП основываются на универсальных принципах и нормах, в основном, позволяющих урегулировать ими нынешние и будущие вооруженные конфликты. Консультативное заключение Международного суда ООН, относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, говорит, что установленные принципы и нормы МГП применяются «ко всем формам военных действий и ко всем видам оружия прошлого, настоящего и будущего». Следовательно, вывод суда применим к использованию киберопераций.

– Иван Владимирович, на какие нормы должны опираться государства в целях укрепления защиты гражданского населения и гражданской инфраструктуры от последствий киберопераций?

– Прежде всего на уже существующую правовую базу, включая МГП. В случаях, не охватываемых существующими нормами МГП, гражданское население остается под защитой «оговорки Мартенса».

– Что-то уже делается для формирования новых правовых механизмов в этом направлении?

– Генеральная Ассамблея ООН в 2018 г. санкционировала межправительственные обсуждения в рамках двух процессов: «Рабочей группы Открытого состава по достижениям в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» и «Группы правительственных экспертов по содействию ответственному поведению государств в киберпространстве в контексте международной безопасности». Обе группы уже завершили деятельность. Рабочая группа открытого состава (РГОС) – принятием итогового доклада. Группа правительственных экспертов прекратила работу еще раньше, передав основные дискуссии в инклюзивную РГОС, чтобы все страны имели равный голос. Взамен временных групп Генассамблея ООН утвердила создание первого в истории постоянного Глобального механизма по безопасности информационно-коммуникационных технологий. Организационная сессия нового единого механизма состоялась 30-31 марта 2026 г. в Нью-Йорке.

– Чем призван заниматься новый Глобальный механизм, и может ли в ближайшее время появиться документ, регулирующий деятельность в информационно-коммуникационном пространстве, в том числе в условиях вооруженного конфликта?

– Новая постоянная платформа призвана объединить наработки прошлых временных групп. Основное внимание уделяется внедрению правил ответственного поведения государств в Сети и предотвращению масштабных киберконфликтов. Говоря о документе, отмечу, что на сегодняшний день не существует договоров, ограничивающих или запрещающих приобретение, владение или использование средств или методов ведения кибервойны. Но данное обстоятельство фактически констатирует, что кибероперации регулируются общими нормами и принципами международного права. Наибольшее значение приобретают нормы и принципы, применимые к киберпространству, направленные на запрещение неизбирательного оружия, средств и методов ведения войны. Любое применение государствами силы – кибернетическое или кинетическое, посредством физического или интеллектуального управления должно регулироваться Уставом Организации Объединенных Наций и соответствовать нормам международного права, а в ходе вооруженного конфликта – нормами МГП.

– Иван Владимирович, что следует учитывать при правовой оценке кибероперации?

– Ключевой вопрос заключается в юридической квалификации кибератаки и отграничении ее от акта агрессии, киберпреступления или кибершпионажа. Здесь значительную роль играет доктринальный документ — «Таллинское руководство 2.0» (2017 г.). Руководство не является источником права, но предлагает авторитетное толкование применения МГП к кибероперациям. Таллинское руководство подтверждает применимость к киберсфере принципов различия, соразмерности и предосторожности.

– Иван Владимирович, применимы ли нормы МГП к новым технологиям в области смертоносных автономных систем вооружений на основе искусственного интеллекта?

– С точки зрения МГП, применение автономных систем в вооруженном конфликте не является незаконным при условии соблюдения правил применения оружия и выбора цели. В настоящее время все большее количество беспилотных робототехнических систем с широким диапазоном размеров и функциональных возможностей применяется на суше, на воде и в воздухе. Управляющие алгоритмы способны решать различные задачи, но потенциальные последствия их военного применения полностью спрогнозировать объективно сложно.

– С какими рисками связано применение подобных систем в боевых условиях?

– Прежде всего, с наличием риска потери контроля человека над оружием и неконтролируемое, необоснованное применение силы, в том числе с риском для гражданских лиц. Во-вторых, правовыми рисками, поскольку принимающие участие в боевых действиях лица (комбатанты) должны принимать решения о применении оружия с учетом конкретных условий в соответствии с МГП. В-третьих, этическими, поскольку свобода действий лица при принятии решений о применении силы необходима для осознания моральной ответственности.

– Каковы требования к человеческому контролю за автономией систем вооружений?

– Изучение гуманитарных, правовых и этических проблем показывает необходимость сосредоточиться на уровне человеческого контроля и способности к деактивации оружия. Так же важны: уровни предсказуемости (с точки зрения его функционирования и последствий использования) и надежности (с точки зрения вероятности отказа или неисправности) и др.

– С какими правовыми коллизиями сопряжено использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в современных вооруженных конфликтах?

– К числу наиболее острых проблем относятся законность применения БПЛА за пределами зоны активных боевых действий (экстерриториальные операции), определение юридического статуса лиц, управляющих дронами, и ответственность за ущерб, причиненный в результате их применения. Ученые, исследуя вопросы использования БПЛА, приходят к выводу, что стремительное развитие беспилотных технологий демонстрирует фундаментальное несовершенство сформированной правовой базы, что требует не просто ее адаптации, но и коренного пересмотра ряда базовых категорий, таких как «воздушное судно» и «пилот».

– Еще одна сфера – пропаганда. И здесь сегодня активно используется искусственный интеллект и машинное обучение. Они позволяют создавать и распространять ложную информацию, активно используемую для дезинформации. Применимы ли нормы МГП к новым технологиям информационных войн?

– Безусловно, системы с поддержкой искусственного интеллекта широко используются для получения поддельной информации. Синтезированную речь или видеоконтент все труднее отличить от реальной, достоверной информации. Использование этих систем сторонами конфликта для усиления устоявшихся методов пропаганды, с целью манипулирования мнением и влияния на принимаемые решения, может иметь существенные правовые и военно-политические последствия. В процессе реализации механизмов цифровой дезинформации сторонами вооруженного конфликта вполне реально могут нарушаться нормы МГП в отношении гражданского населения. Лица могут подвергаться необоснованным арестам или жестокому обращению, дискриминации, а также покушению на их личность или имущество.

– Перспективы широкого внедрения искусственного интеллекта позволяют спрогнозировать, что негативная тенденция использования информационно-коммуникационных технологий в целях дезинформации будет активно развиваться. Что можно предпринять для снижения деструктивного воздействия?

– Необходимо создать новые действенные механизмы международно-правовой защиты гражданского населения в условиях вооруженного конфликта в информационно-коммуникационной сфере. Также сложилась объективная потребность широкого признания применимости МГП к киберпространству.

– Иван Владимирович, спасибо за интервью!

Беседовал Андрей Козлов.

В МГУ ОБСУДИЛИ ПРОБЛЕМУ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СМИ»

В Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в рамках Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2025 г.: творчество, профессия, индустрия», посвященной современным проблемам теории и практики журналистики, прошел круглый стол «Современные проблемы медиаправа».

Его организовали и провели факультет журналистики МГУ, Научно-образовательный центр юридического факультета МГУ «Право и СМИ» и Комиссия по медиарегулированию Московского отделения Ассоциации юристов России. Собравшиеся обсудили вопросы правового регулирования медиаиндустрии, изменения текущего законодательства в области медиаправа, свободы выражения мнений и право на доступ к информации, ответственности и этики медиакоммуникатора и журналиста, новых технологий и форм распространения информации, проблему авторских прав и интеллектуальной собственности.

С докладом по теме: «Трансформация дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» в современных условиях» выступил заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета; главный редактор научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ», доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов.

В своем выступлении Андрей Валерьевич заявил, что преподавание дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» в вузах России берет свое начало в се-

редине 1990-х гг. С тех пор чтение курса о защите журналистов во время вооруженных конфликтов распространилось по высшим учебным заведениям страны и до недавнего времени являлось повсеместным.

Декларируемая цель – дать студентам-журналистам необходимый минимум теоретических знаний о действующей системе международно-правовых норм, применяемых в период вооруженных конфликтов, определяющих статус журналиста во время войны, запрещающих или ограничивающих применение определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, устанавливающих международно-правовую ответственность за их нарушения и т.д.

На занятиях обсуждались как правовые, так и профессиональные аспекты деятельности журналистов в условиях вооруженных конфликтов и внутренней напряженности.

**Москва
6–7 февраля
2026 года**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЖУРНАЛИСТИКА В 2025 ГОДУ:
ТВОРЧЕСТВО, ПРОФЕССИЯ, ИНДУСТРИЯ**

КРАТКАЯ ПРОГРАММА

Актуальность дисциплины обусловлена тем, что только в ходе специальной военной операции на Украине и проведения контртеррористических операций в Белгородской, Брянской и Курской областях погибли более 30 российских журналистов. Гибель большинства из них связана с игнорированием правил работы в зоне боевых действий.

В этих условиях во многих российских вузах продолжается исключение дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» из учебных планов факультетов (институтов) журналистики. Из 129 вузов России, в которых ведется подготовка творческих сотрудников СМИ, данная дисциплина преподается лишь в 21 учебном заведении. Это значит, что знания о столь важном для профессии блоке правовой подготовки не доносятся до части будущих журналистов.

Опрос показал, что отказ от чтения курса «Международное гуманитарное право и СМИ» обусловлен отсутствием подготовленных профессорско-преподавательских кадров на кафедрах журналистики; передачей курса для преподавания кафедрам юридической направленности; отсутствием учебников и методических материалов по дисциплине; перекосом в учебниках и учебных пособиях в сторону юридической составляющей курса и отсутствием в них анализа журналистской практики по изучаемым темам.

В завершении выступления А.В. Козлов отметил, что при общем росте актуальности изучения деятельности журналистов в условиях вооруженных конфликтов уменьшается число вузов, где читается дисциплина «Международное гуманитарное право и СМИ». Для исправления сложившейся ситуации необходимо вернуть ее в обязательную часть учебных планов факультетов (институтов) журналистики.

Соб. инф.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ВЕКТОР-2026

В конце мая 2026 г. прошел Всероссийский симпозиум «Коммуникационный вектор-2026». Соорганизаторами мероприятия выступили кафедра коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), кафедра коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (МПГУ) и комитет по образованию Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО).

С докладами на симпозиуме выступили около 100 ученых, преподавателей, студентов и аспирантов российских вузов; представителей коммерческих структур, общественных организаций, СМИ из Москвы, регионов России, а также Китайской Народной Республики (КНР) и Республики Беларусь.

На протяжении двух дней участники обсуждали следующие темы: «Коммуникации в политической сфере. Социальная архитектура»; «Коммуникационное сопровождение социальных и бизнес-проектов»; «Генеративные модели ИИ: теоретическое осмысление и прикладное использование»; «Информационные войны: пропаганда, военная пропаганда, специальная пропаганда».

Научному сообществу были представлены доклады: «Технологические и регулятивные тренды развития и позиционирования коммуникационного контента» (А.Н. Чумиков, доктор политических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет), «Особенности организации и репрезентации призракологической войны» (В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ), «Креативные индустрии как инструмент формирования странового бренда» (Л.В. Минаева, доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова), «Социальная архитектура как актуальное направление подготовки» (А.Л. Абаев, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет), «Подходы к стратегической коммуникации в странах БРИКС» (Д.Ю. Базаркина, доктор политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет), «Специфика формирования в России комплексной системы противодействия враждебной пропаганде в условиях гибридной войны нового типа» (П.В. Меньшиков, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, Институт управления РАНХиГС при Президенте РФ), «Пространственная дифференциация рекламных

рынков: институциональные барьеры и механизмы выравнивания доступа для МСП» (Д.А. Шевченко, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный социальный университет), «Медиабизнес и общество: синергия и вызовы» (А.Я. Касюк, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет), «Амбассадоры бренда в новой цифровой реальности» (Т.С. Романишина, доктор экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ), «На что опирается информационная война: постправда как инструмент манипулирования молодежной аудиторией» (Г.Н. Степанова, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации), «История как пространство и инструмент информационной войны» (Э.Э. Шульц, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет), «Информационно-коммуникативные инструменты фальсификации истории голода 1946-1947 гг. украинской националистической пропагандой» (А.В. Козлов, доктор исторических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет), «"МЫ/ОНИ" в Белорусской политической коммуникации» (М.М. Юспа, Международная общественная организация «Братство белорусов и россиян», Республика Беларусь, г. Минск) и др.

В работе симпозиума принимали участие представители Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Республика Крым), Петрозаводского государственного университета, Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы и др.

Всероссийский симпозиум «Коммуникационный вектор» проводится уже пять лет. За этот срок он показал свою актуальность и высокую эффективность.

Андрей Ордин.

Фото оргкомитета симпозиума.

Чучулаева Анастасия Ивановна, аспирант Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: mgp_smi@mail.ru

ОТ ХОЛОКОСТА ДО ЦИФРОВОГО ГЕНОЦИДА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ ПРИРОДЫ МАССОВОГО НАСИЛИЯ

Чудовищные последствия действий нацистов в период Второй мировой войны привлекли внимание к осмыслению вопроса истребления определенных групп людей по признаку принадлежности к той или иной общности. В результате в 1944 г. Рафаэль Лемкин сформулировал понятие «геноцид»¹. В дальнейшем оно было преобразовано и на сегодняшний день закреплено в Международной конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» (1948) как полное или частичное уничтожение определенной группы по национальному, этническому, расовому или религиозному признаку.

Однако, как справедливо отмечают современные российские исследователи, в формах, в которых геноцид закреплен в качестве преступного деяния в настоящее время, его определение является узконаправленным ввиду четкой детерминации существующих признаков групп². Данное преступление представляет собой особо опасные для человечества действия, поэтому необходимо создание эффективных превентивных механизмов противодействия геноциду, даже в современных условиях глобализации, которые также оказывают соответствующее влияние на его совершение³. Именно поэтому предлагается рассматривать геноцид не только с правовой точки зрения, но и как социально-психологический и социокультурный феномен, поскольку социальные детерминанты и культурная среда играют определяющую роль в создании обстановки, повышающей вероятность совершения актов геноцида.

Методология исследования. В работе использован междисциплинарный подход, включающий: 1) историко-правовой анализ источников; 2) социально-психологический анализ классических экспериментов (Аш, Милгрэм, Зимбардо) и современных исследований (Уоллер, Рот, Штраус); 3) кейс-стади (Холокост, геноцид в Руанде); 4) сравнительный анализ механизмов дегуманизации в различных политических режимах; 5) экспертный анализ современных форм геноцида (включая цифровые). Важным элементом методоло-

¹ Лемкин Р. Правление оси в оккупированной Европе. М.: Юрист, 2021. 560 с.

² Арутюнян М.А. Понятие геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). С. 403-414; Арутюнян М.А. Международно-правовые источники о преступлениях против мира и безопасности человечества // Юридическое образование и наука. 2009. № 4. С. 29-33; Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Основные направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 511-520; Барабаш А.С., Москалев Г.Л. Направления модернизации нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2014. № 11. С. 1986-1996.

³ Чучулаева А. И. Уголовно-правовые характеристики геноцида на современном этапе (сравнительно-правовой анализ международных норм и российского уголовного законодательства) // Военно-юридический журнал. 2026. № 1. С. 7-12.

гической базы является концептуальная рамка «девиантологии геноцида», предложенная Ю.А. Клейбергом, которая рассматривает геноцид как деструктивную форму социально-го поведения, коренящуюся в глубинных аномических процессах общества¹. Эмпирическую базу составили данные международных трибуналов, отчеты неправительственных организаций (Genocide Watch, Human Rights Watch) и результаты вторичного анализа количественных исследований массового соучастия.

Социологические подходы к пониманию геноцида

В российской науке сложились оригинальные подходы к пониманию геноцида. Так, А.И. и Р.А. Мацына рассматривают геноцид как вид социальной трагедии и крайнюю форму ксенофобии, связывая риск его возникновения с углубляющимся морально-нравственным кризисом человечества².

На Западе подходы к пониманию геноцида различны. Например, Шоу характеризует геноцид как «сугубо социологическое преступление»³. Он считает, что геноцид возникает вследствие искажения социальной классификации и манипуляции ею. До конца 1970-х гг. социологическая дисциплина не признавала геноцид как явление, которое следует анализировать с социологической точки зрения. Однако новаторские исследования Холокоста и геноцида, проведенные социологами Хелен Фейн⁴, Лео Купером⁵ и Зигмунтом Бауманом⁶, позволили взглянуть на геноцид под призмой социальной науки.

С точки зрения отечественной девиантологии, генезис геноцида неразрывно связан с процессами социальной дезорганизации и аномии. Ю.А. Клейберг, исследуя социально-психологические аспекты геноцида, приходит к выводу, что феномен массового уничтожения людей является закономерным следствием легитимизации насилия на уровне обыденного сознания, когда агрессия по отношению к «чужой» группе перестает восприниматься как социальная патология⁷. Создание условий, при которых такая дискриминация становится экстремальной, влечет ее перерастание в геноцид.

Хелен Фейн утверждает, что коллективные публичные действия могут выполнять социально-политическую функцию усиления позиций правящей элиты. Данная динамика наиболее вероятна в условиях структурной слабости государства, характеризуемой низким уровнем солидарности внутри общества, а также при наличии в исторической ретроспективе опыта военного поражения и территориальных потерь⁸.

Лео Купер разработал концепцию социальных процессов изоляции и последующей моральной рационализации уничтожения конструируемой «внешней группы»⁹. Геноциду предшествует состояние глубокой социальной поляризации. Эскалация насилия способствует достижению ключевыми акторами так называемой «точки невозврата», после которой совершение геноцида становится социально легитимным.

¹ Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида: курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. М.: ИП Петросян, 2022. 154 с.

² Мацына А.И., Мацына Р.А. Геноцид: проблема преодоления причин социальной трагедии // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 7 (403). С. 69-72.

³ Shaw M. Sociology and genocide // The Historiography of Genocide / ed. by D. Stone. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 142-162.

⁴ Fein H. Accounting for Genocide: Victims and Survivors of the Holocaust. London: The Free Press, 1979.

⁵ Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven, CT: Yale University Press, 1981.

⁶ Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989.

⁷ Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида: курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. М.: ИП Петросян, 2022. 154 с.

⁸ Fein H. Accounting for Genocide: Victims and Survivors of the Holocaust. London: The Free Press, 1979.

⁹ Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven, CT: Yale University Press, 1981.

Социально-психологические механизмы массового соучастия

По мнению Уоллера, для массовых убийств необходимо вовлечение большого количества «нормальных» людей (без выявленных психопатологий) в социальные процессы, порождающие желание совершить геноцид или отсутствие сопротивления ему¹.

В социальной психологии такое поведение связывают с ситуационизмом (влияние внешних обстоятельств) и диспозиционализмом (внутренние личностные особенности). Большинство исследователей геноцида склоняется к ситуационизму. Уоллер утверждает, что жестокое поведение является «продуктом ситуативных влияний»². Аналогичным образом Рот указывает, что «ситуационные переменные чаще всего оказываются определяющими для индивидуального и группового поведения»³.

Осуществление геноцидальных практик требует массового вовлечения исполнителей. Согласно оценкам, в уничтожении шести миллионов евреев в период Холокоста активно участвовали от 100 000 до 500 000 человек⁴. В ходе геноцида в Руанде (1994), повлекшего гибель примерно 750 000 человек, число непосредственных исполнителей, по расчетам Штрауса, составило от 175 000 до 210 000⁵.

Теоретические основания ситуационистского подхода к объяснению феномена массового соучастия в злодеяниях находят убедительное эмпирическое подтверждение в ряде классических экспериментов, проведенных в середине XX века. Несмотря на то, что изначально их целью было изучение базовых механизмов социального влияния, результаты оказались ключом к пониманию поведения обычных людей в экстремальной социальной среде, предшествующей геноциду.

Эксперимент Соломона Аша (1951) продемонстрировал эффект конформности. В ходе эксперимента группе из семи-девяти человек показывали карточку с линией и просили выбрать из трех других линию такой же длины. Однако все, кроме одного участника («наивного испытуемого»), были подставными лицами, которые по заданию экспериментатора давали заведомо неправильный ответ. Целью было выяснить, как часто наивный испытуемый будет следовать явно ошибочному мнению большинства. В контрольной группе, где не было давления, ошибались менее 1%. В экспериментальной группе 75% испытуемых поддались влиянию хотя бы один раз и дали неверный ответ, согласившись с группой. Этот эксперимент наглядно показывает, как сильно группа может искажать восприятие и суждение индивида, заставляя его отказываться от собственного мнения ради сохранения принадлежности к группе⁶. В контексте геноцида это означает, что если в обществе формируется консенсус о «чуждости» или «опасности» какой-либо группы, большинство людей могут принять эту точку зрения под влиянием социальных норм, даже если она противоречит их личному опыту или моральным принципам.

Эксперимент Стэнли Милгрэма (1963), пожалуй, самый известный в социальной психологии, исследовал готовность обычных людей подчиняться авторитету, даже когда их действия причиняют другому сильную боль. Участникам, набранным через объявление в газете, говорили, что они участвуют в исследовании влияния наказания на память. Они играли роль «учителя» и должны были наказывать «ученика» (который был актером) электрическими разрядами за каждую ошибку заученных слов. Разряд увеличивался с каждым разом от 15 до 450 вольт, при этом «ученик» начинал кричать, жаловаться на

¹ Waller J. *Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing*. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2007.

² Там же. P. 269

³ Roth P.A. Social psychology and genocide // *The Historiography of Genocide* / ed. by D. Stone. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 199.

⁴ Waller J. *Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing*. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2007. P. 16.

⁵ Straus S. How many perpetrators were there in the Rwandan genocide? An estimate // *Journal of Genocide Research*. 2004. Vol. 6, № 1. P. 85-98.

⁶ Asch S.E. Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments // *Groups, Leadership and Men* / ed. by H. Guetzkow. Pittsburgh, PA: Carnegie Press, 1951. P. 177-190.

сердце и требовал прекратить, а после определенного уровня – замолкал, создавая иллюзию потери сознания или смерти. Экспериментатор в белом халате («авторитетная фигура») настаивал на продолжении, используя вербальные команды: «Пожалуйста, продолжайте», «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали» и т.д. Результаты шокировали: 65% испытуемых, несмотря на явные признаки страданий жертвы, дошли до максимального разряда (450 вольт). Милгрэм показал, что давление авторитета способно подавить личные моральные запреты и сострадание¹. Для понимания геноцида это имеет колоссальное значение: он демонстрирует, как обычные люди могут стать исполнителями чудовищных приказов, искренне полагая, что они лишь выполняют свой долг перед авторитетной фигурой (например, государством, партией или начальником).

Стэнфордский тюремный эксперимент Филипа Зимбардо (1971) изучал влияние социальных ролей и институциональной среды на поведение. В подвале психологического факультета Стэнфордского университета была создана имитация тюрьмы. Двадцать четыре психологически здоровых и зрелых молодых человека были случайным образом разделены на две группы – «охранники» и «заклученные». «Заклученных» арестовали прямо дома и доставили в импровизированную тюрьму. Эксперимент, планировавшийся на две недели, был досрочно прекращен на шестой день из-за стремительной деградации участников. «Охранники», получившие форму и дубинки, быстро интериоризировали свою роль и стали проявлять садистские наклонности, изобретая все более жестокие унижительные наказания для «заклученных». «Заклученные» же, оказавшись в бесправном положении, впали в апатию, депрессию или, наоборот, проявляли деструктивный бунт. Результаты показали, что социальные роли и институциональная система, где одна группа обладает абсолютной властью и безнаказанностью, способны вызывать деструктивное поведение у совершенно здоровых и нормальных людей, независимо от их исходных личностных качеств². Этот эксперимент служит аналогом модели поведения в тоталитарных системах, где происходит резкое разделение на «надзирателей» и «заклученных», что часто наблюдается на этапе достижения «точки невозврата» в процессе геноцида.

Е.В. Миськова, опираясь на методологию Я. Даниэли, провела исследование мультигенерационной травмы сталинских репрессий, выявив ограничения многофакторной модели травмы геноцидов Даниэли для описания коллективной травмы сталинских репрессий³. Е.Н. Карташова, исследуя трансгенерационную передачу травмы геноцида армян (1915–1923), ввела понятие «культурного контейнера» – метаперсонажа, вбирающего травматическое наследие⁴.

В отличие от чистого ситуационизма, Т. Адорно с соавторами разработали «Шкалу авторитарной личности», выявив корреляцию между авторитарными установками и склонностью к агрессии⁵. Интегративная позиция автора: геноцид становится возможным при конвергенции ситуационных и диспозиционных факторов: ситуация создает разрешающие условия, а личностные особенности определяют степень готовности индивида подчиниться или сопротивляться.

Применительно к геноциду ключевыми категориями понятийного аппарата выступают дегуманизация и «точка невозврата». Под дегуманизацией понимается лишение «внешней группы» человеческих качеств, а под «точкой невозврата» – эмпирически фикс-

¹ Milgram S. Behavioral study of obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67, № 4. P. 371–378.

² Zimbardo P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. New York: Random House, 2007.

³ Миськова Е.В. Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 4. С. 31–49.

⁴ Карташова Е.Н. Трансгенерационная передача травмы геноцида армян (на материале армянской культуры) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, № 2. С. 156–172.

⁵ Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. New York: Harper & Brothers, 1950.

сируемый порог, после которого насилие становится самоподдерживающимся. Операционные индикаторы (по Stanton¹) включают легитимизацию насилия пропагандой, создание специализированных структур уничтожения и массовое участие населения.

Российский контекст и современные формы геноцида

В российской истории дискуссионным является вопрос о квалификации событий XX века (голод 1930-х гг., депортации народов) как геноцида. В 2010 г. Государственная Дума РФ признала Катынский расстрел актом геноцида в отношении поляков. В 2022 г. российские суды признали геноцидом советского народа действия нацистов в годы Великой Отечественной войны. Исследователи, в том числе Ю.А. Клейберг, отмечают двойственность подходов: при юридическом непризнании некоторых событий, социально-психологические предпосылки (образ врага, дегуманизация) имели место².

В контексте уголовно-правовой квалификации особый интерес представляют работы российских ученых. Так, И.В. Холиков и А.В. Апросимов, сравнивая международные нормы и статью 357 УК РФ, приходят к выводу о несоответствии российского уголовного законодательства современным международно-правовым стандартам. В частности, они указывают на ограниченный перечень защищаемых групп (национальная, этническая, расовая, религиозная), который требует расширения, например, за счет включения политических или социальных групп, как это сделано в законодательстве некоторых зарубежных стран³.

К.Л. Сазонова, проводя комплексный анализ состава преступления «геноцид», приходит к выводу об архаичности диспозиции ст. 357 УК РФ и настоятельной необходимости ее модернизации. Она отмечает, что узкое определение геноцида, основанное исключительно на Конвенции 1948 г., не учитывает вызовов XXI века. Ключевые направления совершенствования нормы, по ее мнению, включают два аспекта: во-первых, расширение перечня защищаемых групп (включение политических, социальных и культурных групп), а во-вторых, криминализацию так называемого «культурного геноцида» – умышленного уничтожения культурного наследия и идентичности группы⁴.

Т.Я. Хабриева и С.Л. Нудель в своих работах обосновывают необходимость более четкой дифференциации смежных составов, таких как «этнические чистки», и их имплементации в уголовное законодательство РФ⁵.

О.А. Зайцев, исследуя процессуальные аспекты, выявляет критическую проблему: уголовно-процессуальное законодательство не адаптировано к специфике расследования преступлений геноцида. В отличие от «обычных» преступлений, по делам о геноциде зачастую отсутствуют прямые доказательства (свидетели, признательные показания, очевидцы убийств из доминирующей группы). Основной массив доказательственной базы формируется из косвенных данных: исторических архивов, спутниковых снимков массовых захоронений, судебно-медицинских экспертиз, проведенных спустя десятиле-

¹ Stanton G.H. The 10 Stages of Genocide. Genocide Watch, 2016. URL: <https://www.genocidewatch.com/10-stages> (дата обращения: 26.04.2026).

² Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида: курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. М.: ИП Петросян, 2022. 154 с.

³ Холиков И. В. Преступление геноцида в практике органов международного правосудия / И. В. Холиков, А. В. Апросимов // Военное право. 2023. № 2(78). С. 231-239.

⁴ Sazonova K.L. Genocide: On Some Shortcomings in the Regulation of Criminal Liability // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Voi. 2, № 4. P. 769-786; Sazonova K. L., Kholikov I.V. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38-51.

⁵ Хабриева Т.Я., Нудель С.Л. Геноцид, «этнические чистки» и смежные преступные посягательства: вопросы законодательной регламентации и перспективы имплементации в уголовное законодательство Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2015. № 8. С. 7-9; Нудель С.Л. Преступления против мира и безопасности человечества: уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 312 с.

тия, и показаний выживших жертв. Зайцев приходит к выводу, что для эффективного расследования необходима выработка специальных процессуальных механизмов, которые бы признавали и регламентировали работу с такими специфическими видами доказательств в рамках российского уголовного процесса¹.

Г.Г. Небрятенко с соавторами, представляя позицию Академии управления МВД России, рассматривают геноцид не просто как уголовно наказуемое деяние, а как экзистенциальную угрозу национальной безопасности. В своих работах в рамках проекта «Без срока давности» они подчеркивают важность противодействия попыткам фальсификации истории и пересмотра итогов Нюрнбергского процесса².

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровых платформ породило новые, ранее неизвестные формы совершения геноцидальных действий, которые не в полной мере охватываются классическими определениями, закрепленными в Конвенции ООН 1948 г. и в ст. 357 УК РФ. В современном научном дискурсе все чаще используются понятия «цифровой геноцид» (digital genocide) и «кибергеноцид» (cyberg genocide), которые описывают различные способы применения цифровых инструментов для достижения целей, характерных для геноцида.

Цифровой геноцид представляет собой более широкую категорию, охватывающую использование ИКТ на всех этапах геноцидальной политики. Его ключевое отличие заключается в том, что цифровые технологии выступают не просто вспомогательным инструментом, а становятся неотъемлемой частью самого механизма уничтожения – как физического, так и символического. Итальянский исследователь Джакомо Буонкомпаньи определяет цифровой геноцид как «процесс социального конструирования «Другого» как общественного врага с использованием цифровых потоков информации, информационных войн и алгоритмического распространения контента, что в итоге создает среду, благоприятную для совершения массового насилия»³. Профессор права Халед Бейдун, анализируя современные конфликты, ввел понятие «цифрового геноцида» для описания ситуации, когда «изображения интимных страданий и смерти мгновенно транслируются на наши экраны, спустя секунды или минуты после того, как они произошли»⁴. Таким образом, цифровой геноцид включает в себя: распространение ненависти через социальные сети и мессенджеры для дегуманизации целевой группы; координацию насилия с использованием зашифрованных каналов, ботов и алгоритмов; а также подавление инакомыслия путем удаления контента о преступлениях и блокировки активистов.

В отличие от «цифрового геноцида», понятие «кибергеноцид» (cyberg genocide) сфокусировано на более узком, хотя и чрезвычайно опасном аспекте – на уничтожении цифровой идентичности группы. Его цель заключается не в физическом уничтожении людей, а в полном стирании их культурного, исторического и языкового присутствия в киберпространстве. Российский публицист и психолог Алексей Молчанов определяет «кибергеноцид» как «предумышленный осознанный призыв в цифровом пространстве для создания условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение, а также на психологическую дестабилизацию группы людей путем образования массовой истерической реакции у населения»⁵. Данное определение акцентирует внимание на психологической дестабилизации и манипуляции массовым сознанием, достигаемой че-

¹ Зайцев О.А. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в ходе расследования дел о геноциде // Геноцид: вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 28 марта 2024 г.). М.: Московская академия Следственного комитета им. А.Я. Сухарева, 2024. С. 115-118.

² Небрятенко Г.Г., Баринаева Е.В., Тарасов А.А. Без срока давности: противодействие фальсификации истории и попыткам пересмотра итогов Нюрнбергского процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 102–107.

³ Buoncompagni G. «Apparently Forgotten Wars». (Digital) Genocide, Information and the Construction of the Other in Postmodern Conflicts // Soft Power. 2022. Vol. 9, № 1. P. 131-148.

⁴ Beydoun K. Digital Genocide // The New Arab. 2023. 15 October.

⁵ Молчанов А. Психолог рассказал о новой форме геноцида россиян // bloknot.ru. 2022. 18 мая.

рез целенаправленное уничтожение цифрового наследия (удаление архивов, языковых ресурсов), атаки на цифровую инфраструктуру группы (серверы, доменные зоны) и системное подавление цифрового голоса группы (алгоритмическое занижение видимости, массовые баны).

На основе проведенного анализа социально-психологических и уголовно-правовых механизмов геноцида могут быть предложены следующие меры его предупреждения, дифференцированные по этапам эскалации насилия.

Меры раннего предупреждения направлены на предотвращение формирования геноцидальной среды еще до появления систематических нарушений. В первую очередь необходим постоянный мониторинг языка вражды с использованием технологий искусственного интеллекта, который позволит выявлять дегуманизирующие метафоры и призывы к насилию в социальных медиа и публичных высказываниях политических лидеров. Одновременно следует внедрять образовательные программы, развивающие критическое мышление и устойчивость к пропаганде, начиная со школьного возраста. Важным элементом раннего предупреждения является укрепление гражданского общества и независимых средств массовой информации, что снижает социальную поляризацию и создает противовес официальным нарративам. Кроме того, целесообразно внедрение системы индикаторов «точки невозврата» в механизмы раннего оповещения международных организаций, таких как Genocide Watch, для своевременной фиксации перехода количественных изменений в качественные.

Меры среднего предупреждения применяются при появлении явных признаков подготовки к геноциду. К ним относится введение целевых санкций против политических элит, разжигающих межнациональную рознь, по аналогии с санкциями, применявшимися к режиму аль-Башира в Судане. Возможно применение дипломатического и экономического давления по мандату Совета Безопасности ООН. Параллельно следует инициировать международные уголовные расследования и, при наличии достаточных оснований, добиваться превентивного ареста лидеров, продвигающих политику геноцида.

Меры позднего предупреждения реализуются непосредственно в условиях начавшегося геноцида и направлены на прекращение насилия и спасение жертв. В первую очередь требуется глобальная блокировка пропагандистских ресурсов, включая государственные СМИ и социальные сети, используемые для координации насилия и дегуманизации целевой группы. Целесообразно установление защитных зон (бесполетных зон, гуманитарных коридоров) для обеспечения безопасности мирного населения. Одновременно в случае необходимости возможно создание специального трибунала для оперативного привлечения к ответственности организаторов и исполнителей.

Специфические рекомендации для цифровой среды обусловлены появлением новых форм геноцида, не охваченных классическими правовыми нормами. В цифровом пространстве обязательной является превентивная модерация контента, направленного на дегуманизацию групп, с привлечением независимых экспертов, а не только автоматических алгоритмов. На международном уровне необходимо разработать и заключить соглашение о запрете «цифрового геноцида», которое включало бы ответственность за целенаправленное уничтожение цифрового культурного наследия и кибератаки на идентичность групп. Наконец, цифровая грамотность должна стать обязательным компонентом школьного образования, что позволит формировать у подрастающего поколения навыки распознавания манипулятивных технологий и противодействия онлайн-пропаганде ненависти.

Геноцид – это целостный социальный процесс, крайняя точка развития социально-психологических механизмов, которые могут быть запущены в любом обществе. Понимание конструирования образа врага, давления авторитета, дегуманизации и трансгенерационной передачи травмы необходимо для создания эффективной системы предупреждения геноцида. Предложенные рекомендации, основанные на синтезе зару-

бежных и российских исследований (в том числе в области девиантологии, уголовного права и национальной безопасности), могут быть использованы на национальном и международном уровнях.

Литература

1. Арутюнян М.А. Международно-правовые источники о преступлениях против мира и безопасности человечества // Юридическое образование и наука. 2009. № 4. С. 29-33.
2. Арутюнян М.А. Понятие геноцида. Историческая обусловленность международно-правового закрепления геноцида как преступления против безопасности человечества // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). С. 403-414.
3. Барабаш А.С., Москалев Г.Л. Направления модернизации нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2014. № 11. С. 1986-1996.
4. Зайцев О.А. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в ходе расследования дел о геноциде // Геноцид: вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 28 марта 2024 г.). М.: Московская академия Следственного комитета им. А.Я. Сухарева, 2024. С. 115-118.
5. Карташова Е.Н. Трансгенерационная передача травмы геноцида армян (на материале армянской культуры) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, № 2. С. 156-172.
6. Клейберг Ю.А. Девиантология геноцида: курс лекций с кейсами и практикумом для студентов вузов. М.: ИП Петросян, 2022. 154 с.
7. Лемкин Р. Правление оси в оккупированной Европе. М.: Юристъ, 2021. 560 с.
8. Мацына А.И., Мацына Р.А. Геноцид: проблема преодоления причин социальной трагедии // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 7 (403). С. 69-72.
9. Миськова Е.В. Травма сталинских репрессий в контексте коллективных травм геноцидов // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 4. С. 31-49.
10. Молчанов А. Психолог рассказал о новой форме геноцида россиян // bloknot.ru. 2022. 18 мая.
11. Небратенко Г.Г., Баринаева Е.В., Тарасов А.А. Без срока давности: противодействие фальсификации истории и попыткам пересмотра итогов Нюрнбергского процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 102-107.
12. Нудель С.Л. Преступления против мира и безопасности человечества: уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 312 с.
13. Тарбагаев А. Н., Москалев Г.Л. Основные направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 511-520.
14. Хабриева Т.Я., Нудель С.Л. Геноцид, «этнические чистки» и смежные преступные посягательства: вопросы законодательной регламентации и перспективы имплементации в уголовное законодательство Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2015. № 8. С. 7-9.
15. Холиков И.В., Апросимов А.В. Преступление геноцида в практике органов международного правосудия // Военное право. 2023. № 2(78). С. 231-239.
16. Чучулаева А. И. Уголовно-правовые характеристики геноцида на современном этапе (сравнительно-правовой анализ международных норм и российского уголовного законодательства) // Военно-юридический журнал. 2026. № 1. С. 7-12.
17. Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. New York: Harper & Brothers, 1950.
18. Asch S.E. Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments // Groups, Leadership and Men / ed. by H. Guetzkow. Pittsburgh, PA: Carnegie Press, 1951. P. 177-190.
19. Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989.
20. Beydoun K. Digital Genocide // The New Arab. 2023. 15 October.
21. Buoncompagni G. «Apparently Forgotten Wars». (Digital) Genocide, Information and the Construction of the Other in Postmodern Conflicts // Soft Power. 2022. Vol. 9, № 1. P. 131-148.
22. Fein H. Accounting for Genocide: Victims and Survivors of the Holocaust. London: The Free Press, 1979.
23. Fein H. Genocide: A Sociological Perspective. London: Sage Publications, 1993.

24. Kuper L. *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century*. New Haven, CT: Yale University Press, 1981.
25. Kuper L. *The Pity of It All: Polarisation of Racial and Ethnic Relations*. London: Duckworth, 1977.
26. Milgram S. Behavioral study of obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 67, No 4. P. 371-378.
27. Roth P.A. Social psychology and genocide // *The Historiography of Genocide* / ed. by D. Stone. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 199.
28. Sazonova K. L., Kholikov I.V. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // *Ethical Challenges for Military Health Care Personnel*. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38-51.
29. Sazonova K.L. Genocide: On Some Shortcomings in the Regulation of Criminal Liability // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Vol. 2, № 4. P. 769-786.
30. Shaw M. Sociology and genocide // *The Historiography of Genocide* / ed. by D. Stone. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 142-162.
31. Stanton G.H. The 10 Stages of Genocide. Genocide Watch, 2016. URL: <https://www.genocidewatch.com/10-stages> (дата обращения: 26.04.2026).
32. Straus S. How many perpetrators were there in the Rwandan genocide? An estimate // *Journal of Genocide Research*. 2004. Vol. 6, № 1. P. 85-98.
33. Waller J. *Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing*. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2007.
34. Zimbardo P.G. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. New York: Random House, 2007.

Митрофанов Олег Валентинович, магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: mgp_smi@mail.ru.

МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВАМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПОГИБШИХ В ХОДЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Правовой статус военнослужащего, погибшего или пропавшего без вести в период вооруженного конфликта, инициирует комплекс международных и национальных обязательств государства. Эти обязательства охватывают как процедурные аспекты (установление судьбы, обращение с останками, информирование), так и материальные гарантии социально-экономических прав семьи¹. Историческое развитие норм международного гуманитарного права (далее – МГП) и международного права прав человека (далее – МППЧ) тесно связало право семьи на информацию с правом на гарантированную государственную поддержку.

Первоначальное регулирование в рамках Женевских конвенций 1949 года носило преимущественно процедурный характер, фокусируясь на понятии «мертвые», акцентируя обязанности сторон в отношении поиска, сбора, идентификации и достойного погребения останков². Ключевой новацией стало закрепление обязанности немедленно передавать противной стороне через Справочное Бюро по делам военнопленных и Центральное Справочное Агентство по делам военнопленных сведения о любом попавшем в ее власть лице³, что создало основу для минимизации количества лиц, пропавших без вести. Дополнительный протокол I 1977 года к Женевским конвенциям совершил концептуальный прорыв, введя право семей знать о судьбе их родственников⁴. Он также впервые на уровне договора прямо обязал стороны принимать все возможные меры для выяснения судьбы лиц, пропавших без вести в результате конфликта⁵.

Таким образом, в МГП сформировалась система, включающая в себя:

- четкие процедуры обращения с погибшими;

¹ Холиков И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2020. № 4(62). С. 220-228; Холиков И.В. Международно-правовая регламентация обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2019. № 4(56). С. 285-291.

² Статьи 15-16 Женевской конвенции от 12.08.1949 «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях».

³ Статьи 122-123 Женевской конвенции от 12.08.1949 «Об обращении с военнопленными».

⁴ Ст. 32. При применении положений настоящего Раздела Высокие Договаривающиеся Стороны, стороны, находящиеся в конфликте, и международные гуманитарные организации, упомянутые в Конвенции и в настоящем Протоколе, в своей деятельности прежде всего исходят из права семей знать о судьбе своих родственников.

⁵ Ст. 33. Как только позволят обстоятельства, и самое позднее сразу после окончания активных военных действий, каждая сторона, находящаяся в конфликте, разыскивает лиц, о которых противная сторона сообщает как о пропавших без вести. Эта противная сторона представляет все необходимые сведения о таких лицах с целью содействия их розыску.

– обязанность активного розыска для недопущения или минимизации случаев безвестного исчезновения¹.

Дальнейшее углубление проблемы произошло в рамках МППЧ, особенно после принятия Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20.12.2006 (далее – Конвенция 2006 года). Насильственное исчезновение² было квалифицировано как преступление, нарушающее целый ряд неотъемлемых прав:

- право на жизнь;
- право не подвергаться пыткам;
- право на признание правосубъектности;
- право на свободу и личную неприкосновенность.

Конвенция 2006 года установила презумпцию ответственности государства за действия его представителей и обязала государства криминализировать насильственные исчезновения в национальном законодательстве. В контексте вооруженных конфликтов это привело к сближению понятия «пропавший без вести» с понятием «жертва насильственного исчезновения», что значительно усилило правовые позиции семьи военнослужащего, требуя от государства не пассивного ожидания, а активного, эффективного и независимого расследования.

В результате синтеза норм МГП и МППЧ сформировался современный комплекс обязательств государства, включающий:

- обязанность предотвращения (регистрация военнослужащих, использование жетонов, обучение правилам опознания);
- обязанность выяснения судьбы (активный розыск, расследование, эксгумация и идентификация останков);
- обязанность информирования (немедленное и полное предоставление всей имеющейся информации семье);
- обязанность материальной поддержки (обеспечение семьи, находящейся в состоянии правовой и экономической неопределенности (статус пропавшего) или после установления факта гибели).

Национальные системы реализации этих обязательств, в особенности в вопросах материальной поддержки семьи, отличаются значительным разнообразием, отражая различия в правовых культурах, понимании роли государства и механизмах имплементации международных стандартов.

Целью данной статьи является сравнительно-правовой анализ национальных моделей поддержки семей погибших военнослужащих (на примере РФ, США, Франции и КНР), как ключевого элемента выполнения государством своих международно-правовых обязательств.

Модель материального обеспечения семей погибших военнослужащих, применяемая в Российской Федерации

Российская система поддержки семей погибших военнослужащих после 24 февраля 2022 года качественно эволюционировала от упрощенной финансовой компенсации к институциональной модели национальной ответственности. Ее современная философия может быть определена как многоуровневая система гарантий, основанная на принципе национальной солидарности и направленная на обеспечение долгосрочной социальной стабильности семьи.

Правовой основой для ускоренного доступа к единовременным выплатам стал Федеральный закон о внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие

¹ Холиков, И. В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294-307.

² Ст. 2 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.

части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации» от 14.04.2023 № 120-ФЗ (далее – ФЗ-120), установивший специальный порядок признания участников Специальной военной операции (далее – СВО) безвестно отсутствующими (по истечении 6 месяцев) и умершими (через 3 месяца после этого или через 6 месяцев с момента исчезновения при угрожающих жизни обстоятельствах). В таблице ниже наглядно показаны ключевые отличия в сроках и условиях:

Таблица 1. Общий и специальный порядок признания безвестно отсутствующим и объявления умершим

Параметр	Общий порядок (ГК РФ)	Специальный порядок для участников СВО (ФЗ-120)
Признание безвестно отсутствующим	Отсутствие сведений о месте пребывания в течение 1 года	Отсутствие сведений в течение 6 месяцев
Объявление умершим (основной случай)	Отсутствие сведений о месте пребывания в течение 5 лет	1. Через 3 месяца после вступления в силу решения о признании безвестно отсутствующим 2. Или, если пропал при угрожающих жизни обстоятельствах, — по истечении 6 месяцев с момента этих событий
Особое правило для военных действий	Может быть объявлен умершим не ранее чем по истечении 2 лет со дня окончания военных действий	Правило не применяется. Действуют сокращенные сроки, указанные выше.

Эта мера не просто ускоряет выплаты, но выполняет гуманитарную функцию: она минимизирует правовую и психологическую неопределенность для семьи, создавая юридический фундамент для активации всего спектра предусмотренных государством гарантий.

Нормативная база российской модели поддержки отличается высокой степенью прозрачности и закреплена в системе публичных законодательных актов, включая:

– Федеральные законы: от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – ФЗ-76); от 07.11.2011 № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее – ФЗ-306); от 07.10.2022 № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в Специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ-377); от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» (далее – ФЗ-52); от 04.06.2011 № 128-ФЗ «О пособии детям военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, погибших (умерших, объявленных умершими, признанных безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), и детям лиц, умерших вследствие военной травмы после увольнения с военной службы (службы в войсках, органах и учреждениях)» (далее – ФЗ-128); от 12.01.1996 № 8 «О погребении и похоронном деле» (далее – Ф-8);

от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ-273)¹;

– Законы Российской Федерации: от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (далее – Закон № 4468-1); от 15.01.1993 № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» (далее – Закон № 4301-1);

– Постановления Правительства Российской Федерации: от 14.07.2000 № 524 «Об отдельных выплатах военнослужащим и членам их семей» (далее – ПП № 524); от 17.08.2024 № 1109 «О нормах расходов денежных средств на погребение погибших (умерших) военнослужащих, ветеранов и отдельных категорий граждан, а также на изготовление и установку им памятников» (далее – ПП № 1109); от 02.08.2005 № 475 «О предоставлении членам семей погибших (умерших) военнослужащих, граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти компенсационных выплат в связи с расходами по оплате пользования жилым помещением, содержания жилого помещения, взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, коммунальных и других видов услуг» далее – ПП № 475);

– Указы Президента РФ: от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» (далее – УП № 98); от 26.12.2024 № 1110 «О ежемесячной социальной выплате детям отдельных категорий военнослужащих» (далее – УП № 1110).

Эта комплексная регламентация позволяет семье четко знать о своих правах и порядке их реализации.

Структура материального обеспечения представляет собой многослойную конструкцию, совокупный объем которой может превышать 14 миллионов рублей.

В настоящее время семьи имеют право на получение следующих выплат и льгот:

Таблица 2. Выплаты и льготы семьям погибших военнослужащих

Категория выплат	Вид выплаты	Примерная сумма (руб.)	Основание	Примечания
Единовременные	Президентская выплата	5 000 000	пп. «а» п. 1 УП № 98	Делится между всеми членами семьи в равных долях
	Страховая выплата	3 439 562	п. 2 ст. 5 ФЗ-52	Регулярно индексируется, делится между членами семьи
	Задолженность по зарплате	Денежное содержание военнослужащего, а также неполученные при жизни ежемесячные суммы.	ч. 31.1 ст. 2, п. 1 ч. 2, ч. 2.2 ст. 3 ФЗ-306; п. 1.1 ст. 24 ФЗ-76	Получатель супруг(а) военнослужащего В случае, если брак не зарегистрирован, то получателем являются дети военнослужащего
	Государственная выплата	5 159 344	ч. 8,12,12.1 ст. 3 ФЗ-306	Делится между членами семьи

¹ Военно-административное право (Военная администрация): учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.

Категория выплат	Вид выплаты	Примерная сумма (руб.)	Основание	Примечания
	Единовременное поощрение погибшего	Размеры определены Указом Президента РФ от 25.07.2006 № 765, зависят от вида награды.	ч. 2.4, 2.5 ст. 3 ФЗ-306	В случае гибели военнослужащего, награжденного государственной наградой РФ или поощренного Президентом РФ, Правительством РФ, а также в случае награждения государственной наградой РФ посмертно выплачивается членам его семьи.
	Региональные выплаты	1 000 000 - 3 000 000 (зависит от региона)		Устанавливаются законами субъектов РФ
Ежемесячные	Ежемесячная денежная компенсация	24 791,2 ¹	ч. 8, 9 ст. 3 ФЗ-306	Сумма соответствует пособию инвалида I группы, на 01.01.2026. Делится между всеми членами семьи
	Пособие на ребенка без вести пропавшего, погибшего	3 311,15	УП № 1110	Размер на 01.01.2026. Подлежит индексации с 1 января. Получатель – родитель, усыновитель, опекун или попечитель детей военнослужащего.
	Ежемесячное пособие детям военнослужащего	1 597,5	ст. 1, ч. 1 ст. 3 ФЗ-128	Получают дети военнослужащего в возрасте до 18 лет, студенты-очники – до 23 лет
	Страховая пенсия по потере кормильца	~15 380 (гос. пенсия)	п. 1 ст. 24 ФЗ-76	Получают члены семьи, которые находились на полном содержании умершего военнослужащего (дети военнослужащего (в возрасте до 18 лет, студенты-очники – до 23 лет)). Зависит от статуса военнослужащего и наличия страхового стажа
	Социальная пенсия по потере кормильца		п. 1 ст. 24 ФЗ-76	Назначается в том случае, если у умершего не было ни одного дня трудового стажа

¹ Информация с официального сайта Социального Фонда России URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/Informaciya_dlya_uchastnikov_SVO_i_ih_semei/vyplaty_semyam/

Категория выплат	Вид выплаты	Примерная сумма (руб.)	Основание	Примечания
	Ежемесячная выплата семьям Героев России	98 195	Ч.7 ст. 9.1. Закон № 4301-1	
Социальные льготы	Компенсация расходов на ЖКУ		ПП № 475	Возмещение 60% расходов на оплату ежемесячных коммунальных платежей и разовых коммунальных услуг
	Единовременная выплата на ремонт дома		ПП № 475	Рассчитывается индивидуально в зависимости от количества членов семьи и проживающих в доме
	Запрет на увольнение по инициативе работодателя		ст. 264.1 ТК	Запрет действует в течение года с момента гибели (смерти) военнослужащего. Гарантия действует для супруга, не вступившего в повторный брак
	Право на отпуск без сохранения зарплаты		ст. 128 ТК	Членам семьи предоставляется право на отпуск до 14 календарных дней в году
	Право на прием на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета за счет бюджетных ассигнований без вступительных испытаний		п. 6 ч. 5.1, ч. 5.2 ст. 71 ФЗ-273	Детям военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях
Банковские льготы	Прекращение кредитных обязательств		ч. 1 ст. 2 ФЗ-377	Получатели - члены семьи, участвующие в обязательстве по данному договору на стороне заемщика
Налоговые льготы	Льготы по имущественным налогам		пп. 9, 9.1-9.5 п. 1 ст. 407 НК РФ	Члены семьи не платят налог на имущество физлиц по одному объекту из каждой категории
	Льготы на оплату земельного налога		пп. 4.1 п. 5, п. 6.2 ст. 391 НК РФ	Члены семьи не платят налог с шести соток по одному земельному участку
	Льготы на оплату транспортного налога		пп. 2 п. 2.1, п. п. 2.2, 2.3 ст. 361.1 НК РФ	Члены семьи не платят налог по одному транспортному средству на выбор

Государство также берет на себя значительную часть расходов, связанных с погребением, предоставляя фиксированное денежное пособие, что снимает с семьи организационную и значительную финансовую нагрузку¹.

Пособие оформляется по месту службы (прохождения сборов) погибшего военнослужащего. Оплата услуг по погребению составляет в размере не более 51 552 рублей, а при погребении погибших (умерших) в городах Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе – не более 70 884 рублей².

Помимо этого денежного пособия, государство предоставляет оплату услуг по изготовлению и установке погибшим (умершим) памятников (надгробных сооружений, надгробий)³. Выплата производится по фактическим расходам, но в размере не более 49 511 рублей, а также предоставление места на воинском кладбище или выделение места на ином кладбище для погребения с воинскими почестями⁴, которые имеют большую практическую и символическую ценность⁵.

Философию данной модели можно определить, как «эффективный контракт национальной солидарности», в рамках которой государство выполняет свои обязательства через синтез двух ключевых элементов. Первый — это предоставление значительного финансового капитала (единовременных выплат), призванного оперативно компенсировать потерю кормильца и решить наиболее острые материальные проблемы семьи. Второй — создание рамочных долгосрочных гарантий в виде пенсий, ежемесячных компенсаций и широкого спектра социальных и налоговых льгот, закрепленных в законодательстве. Таким образом, российская модель сочетает в себе черты компенсационного подхода, акцентированного на финансовом участии государства, и элементы социально-гарантийной системы⁶. Ее отличительной особенностью является смещение центра тяжести с классической пожизненной пенсионной схемы замещения дохода в сторону комбинированной поддержки, где единовременный капитал дополняется, а не замещается системой регулярных выплат и льгот.

Модель гарантий и компенсаций (Indemnity) США

Американская система, детализированная в Разделе 38 «Льготы для ветеранов» от 02.09.1958 Свода законов США (U.S.Code, Title 38 «Veterans' Benefits»⁷), представляет собой институционализированный комплекс долгосрочных гарантий. Его логика заключается в том, чтобы государство взяло на себя долгосрочную роль «кормильца» для семьи.

Высокая степень кодификации и детализации правовых норм обеспечивает правовую определенность и возможность судебной защиты, при этом подтвержденный статус погибшего автоматически активизирует право семьи на весь пакет установленных выплат и льгот.

¹ Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции: учебник и практикум. М.: «Русайнс», 2024. 294 с.

² П. 1 Постановления Правительства РФ от 17.08.2024 № 1109 «О нормах расходов денежных средств на погребение погибших (умерших) военнослужащих, ветеранов и отдельных категорий граждан, а также на изготовление и установку им памятников».

³ Пп. 1 п. 1, п. 4 Приложения к Приказу министра обороны РФ от 07.11.2024 № 685 «Об определении Порядка погребения погибших (умерших) военнослужащих...»

⁴ П. 2 ст. 11 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»

⁵ Заневская, Н.А. Правовое регулирование ритуала отдания воинских почестей при погребении / Н.А. Заневская // Вестник адъюнкта. 2020. № 4(10). С. 3; Холиков, И. В. Достойное обращение с телами покойных в условиях вооруженного конфликта в свете требований международного гуманитарного права / И. В. Холиков, Н. А. Заневская // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 5(298). С. 7-15.

⁶ Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей: Со словарем-справочником (с комментариями) / Д.Ф. Алиев, А.И. Землин, А.В. Дубинин [и др.]. М.: "КноРус", 2024. 608 с.

⁷ URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2016-title38/html/USCODE-2016-title38.htm>

Структура поддержки построена на комбинации нескольких ключевых элементов, формирующих многоуровневую систему компенсаций.

Основой является пожизненная ежемесячная пенсия по случаю потери кормильца (Dependency and Indemnity Compensation – DIC (Подраздел II, Глава 13, § 1310-1318)), представляющая собой индексируемую в соответствии с инфляцией выплату (около \$1,612/мес. для вдовы, за каждого ребенка добавляется фиксированная сумма), призванную возместить семье экономическую потерю в лице погибшего военнослужащего. Право на выплату возникает автоматически как следствие смерти на службе. При этом доказывать нуждаемость не требуется. Основными получателями являются вдовы/вдовцы (не вступившие в повторный брак), несовершеннолетние дети, а в некоторых случаях – родители-иждивенцы.

Условия получения права на выплату заключаются в том, что смерть военнослужащего должна наступить в результате:

- а) ранения или заболевания, полученного при исполнении обязанностей;
- б) состояния, связанного со службой;
- в) несчастного случая во время прохождения службы.

Параллельно действует программа группового страхования жизни военнослужащих (Servicemembers' Group Life Insurance – SGLI (регулируется и дополняет Раздел 38), предусматривающая выплату крупного страхового капитала до \$ 400 000 (Подраздел III, Глава 19, § 1967). Его сумма выплачивается единовременно выбранному военнослужащим бенефициару, независимо от причины смерти (включая несчастный случай, не связанный со службой), если смерть наступила в период действия страховки.

Важнейшей отличительной чертой модели является социально-образовательный пакет или пакет неденежных гарантий (in-kind benefits), к которым относятся:

- CHAMPVA (Civilian Health and Medical Program) пожизненная программа медицинского страхования для супругов и детей получателей DIC. Покрывает большинство медицинских расходов, не оплачиваемых Medicare;
- передаваемый GI Bill - военнослужащий может передать право на получение образовательных льгот (полная оплата обучения в государственном вузе + проживание) своим супругам или детям;
- пособие на погребение – выплата фиксированной суммы на покрытие расходов на похороны и погребение на национальном кладбище.

Таким образом, философия американской модели заключается в системном воссоздании государством социально-экономического пакета, который обеспечивал бы семье устойчивую долгосрочную защищенность и интеграцию. Обязательства государства структурированы как многоуровневая система компенсации и гарантий: DIC обеспечивает постоянный базовый доход, замещающий заработок кормильца, SGLI дает капитал для решения первоочередных задач, а пакет льгот в сфере медицины и образования гарантирует доступ к ключевым социальным благам, которые в ином случае обеспечивались бы погибшим военнослужащим.

Модель социальной солидарности и пожизненной пенсии (Pension) Французской Республики

Французская система социальной защиты семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей основана на принципе государственной солидарности (*solidarité nationale*) и направлена на создание комплексной системы долгосрочных гарантий, обеспечивающих семье стабильный социальный статус.

Правовая архитектура модели носит двухуровневый характер, что обеспечивает сочетание универсальности базовых гарантий с учетом специфики военной службы. С одной стороны, общие вопросы пенсионного обеспечения в связи со смертью кормильца, включая назначение пенсий вдове (вдовцу) и сиротам, регулируются Кодексом о пенсиях госу-

дарственных служащих (*Code des pensions civiles et militaires de retraite* (далее – CPCMR))¹, в котором закреплены базовые нормы о праве пережившего супруга на пенсию по случаю потери кормильца и о размере пенсии для детей-сирот. С другой – специальные компенсации, льготы и статусные вопросы, обусловленные характером военной травмы или гибели, закреплены в Кодексе военных пенсий по инвалидности и жертв войны (*Code des pensions militaires d'invalidité et des victimes de la guerre* (далее – CPMIVG))², в его современной редакции. Координацию и предоставление многих льгот осуществляет Национальное управление по делам ветеранов и жертв войны (*Office national des anciens combattants et victimes de guerre ONACVG*).

Структура поддержки формирует многоуровневую конструкцию. Начальным элементом является единовременная выплата на погребение (*Capital décès* (статьи L. 411-1, R. 411-1 Кодекса), размер которой по официальным данным ONACVG на сегодняшний день составляет около 70 000 евро³, предназначенная для покрытия первоначальных расходов, которая выплачивается при наступлении смерти военнослужащего его правопреемникам.

Ключевым же долгосрочным инструментом выступает пожизненная пенсия для пережившего супруга (*Pension de veuve ou de veuf de militaire*), право на которую возникает при условии официально зарегистрированного брака на момент гибели (ст. L. 141-7 CPMIVG). Ее размер составляет 50% от базовой пенсии, исчисляемой от последнего денежного содержания погибшего (статьи L38, L48 CPCMR), с законодательно установленным минимальным гарантированным уровнем (около 656 евро в месяц по состоянию на 2024 г.). Важнейшей особенностью французского законодательства является институт «передаваемой пенсии по инвалидности» (*Pension d'invalidité transférable*). Если военнослужащий до гибели получил инвалидность вследствие ранения, полученного при исполнении обязанностей, право на эту пенсию переходит к пережившему супругу, существенно увеличивая общий размер пожизненного содержания.

Одновременно с этим государство выплачивает пенсию для каждого ребенка-сироты (*Pension d'orphelin*), не достигшему возраста 21 года (или дольше в случае учебы или инвалидности) (ст. L. 141-8 CPMIVG). Размер составляет 10% от базовой пенсии погибшего на каждого ребенка. Если оба родителя погибли, размер увеличивается до 30%.

Система активно дополняется мерами социальной интеграции, включающими:

- приоритет при трудоустройстве на госслужбу для вдовы (вдовца) и совершеннолетних детей (ст. L. 421-3 CPMIVG);
- медицинское обслуживание в рамках системы государственного страхования (реализуется через статус бенефициара, закрепленный в решениях ONACVG);
- освобождение от налога на недвижимое имущество (*Impôt sur la fortune immobilière*) для пережившего супруга (ст. 885 I quater Общего налогового кодекса (*Code général des impôts*));
- обеспечение психологической поддержки и социального сопровождения через национальное Управление по делам ветеранов и жертв войны (ONACVG.) (это не отдельная статья, а часть полномочий ведомства).

Философской основой данной модели является предоставление семье не просто финансовой помощи, а устойчивого, пожизненного социального статуса. Это консервативная, но максимально надежная система, направленная на гарантированную защиту семьи от долгосрочных рисков бедности и маргинализации через институционализированное пожизненное содержание.

¹ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070302?init=true&page=1&query=Code+des+pensions+civiles+et+militaires+de+retraite&searchField=ALL&tab_selection=all

² URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074068

³ URL: <https://www.onac-vg.fr/chiffres-cles-des-prestations>

Административно-патерналистская модель Китайской Народной Республики

Китайская система поддержки семей погибших военнослужащих представляет собой уникальную административно-патерналистскую модель, основанную не на детализированном публичном законодательстве, а на ведомственных директивах, внутренних административных актах и местных стандартах. Ее правовое регулирование характеризуется декларативностью общих принципов при отсутствии единого закона, закрепляющего конкретные права и размеры выплат. Философские основы долга государства перед семьями защитников Отечества провозглашаются в программных документах, таких как «Белая книга по национальной обороне» (2019)¹. Однако практическая реализация, включая определение объемов материальной помощи, регулируется внутренними административными актами (например, «Положением о льготах и пособиях военнослужащим и членам их семей»), а также директивами местных властей, что приводит к значительной региональной и ситуативной вариативности.

Ввиду непрозрачности системы, данные о выплатах носят оценочный характер. Согласно анализу экспертных оценок и информации в СМИ, семья может получить следующие денежные выплаты:

- единовременная компенсация для семьи военнослужащего, погибшего при исполнении обязанностей, может составлять около 800 000 – 1 200 000 юаней ($\approx$ \$ 110 000 – \$ 165 000), которая выплачивается единовременно²;
- ежемесячное пособие для родителей или детей, может составлять 1 500 – 3 000 юаней/мес ($\approx$ \$ 200 – \$ 400), зависит от региона.³

Ключевым и системообразующим элементом китайской модели являются неденежные меры поддержки, реализующие принцип патерналистской опеки. К ним относятся:

- гарантированное трудоустройство членов семьи⁴;
- льготы при поступлении в вузы⁵;
- всесторонняя «шефская помощь» со стороны местных партийных и государственных органов, которая может включать привлечение крупных государственных компаний для адресного решения жилищных, бытовых и иных проблем конкретной семьи, этот механизм обеспечивает высокую степень гибкости и адаптивности поддержки под индивидуальные обстоятельства⁶.

Философской основой модели является не столько компенсация утраты, сколько сохранение социальной стабильности и укрепление идеологической связи «партия – армия – народ». Государство в ней выступает в роли «попечителя» или «патрона», берущего

¹ URL: <https://www.scio.gov.cn/zfbps/index.htm>

² South China Morning Post (SCMP) – одно из самых влиятельных англоязычных изданий Гонконга. В статье 2020 года, основанной на анализе официальных документов и интервью, прямо указан ориентировочный диапазон выплат: «Families of Chinese soldiers killed on India border to get up to US\$165,000 in compensation».

³ Согласно официальному репортажу государственного телеканала China Central Television (CCTV) от 19.02.2021, цитирующему «Положения о пенсионном обеспечении военнослужащих», семьям погибших военнослужащих назначается ежемесячная пенсия по случаю потери кормильца, размер которой составляет около 2790 юаней (приблизительно \$ 400). Фактический размер выплат на местах может варьироваться в зависимости от региона и дополнительных местных постановлений.

⁴ Было официально подтверждено на пресс-брифинге министерства национальной обороны КНР: «В феврале 2021 г. официальный представитель министерства национальной обороны КНР полковник Ву Цянь заявил, что правительство «поможет решить практические трудности» семей погибших, включая «работу, образование и медицинское обслуживание».

⁵ В репортаже от 19.02.2021 государственное CCTV сообщило, что меры поддержки включают не только денежную помощь, но и «льготы при поступлении в школу для их детей».

⁶ Концепция всесторонней помощи является стандартной партийно-государственной практикой. Яркий пример – история о том, как компания «Huawei» по указанию властей взяла «шефство» над сестрой одного из погибших солдат, предложив ей работу. Этот случай широко освещался в СМИ как образец реализации политики.

на себя заботу о семье в рамках общей социальной политики. Такой подход обеспечивает оперативность и адресность помощи, однако одновременно минимизирует правовую определенность, прозрачность и субъективные права семьи, ставя объем и характер поддержки в зависимость от дискреционных административных решений, а не от гарантированных законом стандартов.

На основе проведенного сравнительно-правового анализа можно выделить две ключевые типологии моделей, отражающие различные подходы к имплементации международных обязательств государства перед семьями погибших военнослужащих:

1. Административно-патерналистская модель (Китай) – характеризуется низкой степенью правовой формализации и доминированием ведомственных нормативных правовых актов. Поддержка семьи реализуется как мера социальной политики и государственной опеки, что обеспечивает оперативность, но снижает правовую предсказуемость и автономию семьи.

2. Модели публично-правовых гарантий (США, Франция, Россия) – отличаются высокой степенью нормативной определенности и прозрачности, закрепляя права семьи как субъективное право, обеспеченное судебной защитой. В рамках этого типа наблюдается спектр подходов: от американской модели институционального замещения, где государство системно воспроизводит социально-экономические функции кормильца, до французской модели пенсионной солидарности, основанной на обеспечении пожизненного статуса через гарантированный доход.

Российская модель поддержки семей погибших военнослужащих, сформировавшаяся после 2022 г., представляет собой прогрессивный синтез. Она органично сочетает элементы, присущие ведущим зарубежным системам:

– от американской модели — принцип стратегической капитализации семьи через беспрецедентные по объему единовременные выплаты;

от французской — принцип системных долгосрочных гарантий (пенсии, льготы), обеспечивающих базовую социальную защищенность.

Ключевой собственной инновацией стал процессуальный прорыв: специальный порядок признания погибшими (ФЗ-120) трансформировал юридическую процедуру в эффективный гуманитарный инструмент, рекордно сокращающий период правовой и психологической неопределенности для семьи.

Таким образом, российская модель не только соответствует высоким правовым стандартам, но и устанавливает новый уровень реализации государственных обязательств за счет беспрецедентного масштаба материальной поддержки и скорости ее активации, предлагая оптимальный баланс между свободой распоряжения финансовыми средствами и государственными гарантиями. Дальнейшее ее совершенствование должно быть сосредоточено на повышении эффективности административных процедур и развитии программ социально-психологической адаптации семей.

Библиографический список

1. Ардашев К.Н. Государственная поддержка семей погибших военнослужащих: баланс прав и обязанностей родителей: Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025 № 3 (103). С. 535-536.
2. Военно-административное право (Военная администрация): учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.
3. Заневская Н.А. Государственно-частное партнерство в сфере увековечения памяти погибших военнослужащих // Военное право. 2015 № 2 (34). С. 41-45.
4. Заневская Н.А. Правовое регулирование ритуала отдания воинских почестей при погребении // Вестник адъюнкта. 2020. № 4(10). С. 3.
5. Корякин В. М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции: учебник и практикум. М.: «Русайнс», 2024. 294 с.
6. Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей: Со словарем-справочником (с комментариями) / Д.Ф. Алиев, А.И. Землин, А.В. Дубинин [и др.]. М.: «КноРус», 2024. 608 с.

7. Холиков И. В. Достойное обращение с телами покойных в условиях вооруженного конфликта в свете требований международного гуманитарного права / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 5(298). С. 7-15.

8. Холиков И.В. Международно-правовая регламентация обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2019. № 4(56). С. 285-291.

9. Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294-307.

10. Холиков И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. 2020. № 4(62). С. 220-228.

КАК ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ ТЕРМИН «ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ»?

Экспертное заключение Международного Комитета Красного Креста (МККК), март 2008 г.

Государства – участники Женевских конвенций 1949 г. поручили МККК, предусмотрев это в Уставе Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца «разъяснять положения международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, и распространять знания о нем, а также подготавливать его развитие»¹. Именно на этом основании МККК пользуется возможностью представить преобладающее среди юристов мнение относительно определения «международного вооруженного конфликта» и «немеждународного вооруженного конфликта» в соответствии с международным гуманитарным правом, отраслью международного права, которая регулирует вооруженные конфликты.

В международном гуманитарном праве различаются два типа вооруженных конфликтов:

- международные вооруженные конфликты, в ходе которых друг другу противостоят два или более государств, и
- немеждународные вооруженные конфликты между правительственными силами и неправительственными вооруженными группами или только между такими группами. Договорное МГП устанавливает также различие между немеждународными вооруженными конфликтами по смыслу общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. и немеждународными вооруженными конфликтами, подпадающими под определение, данное в статье 1 Дополнительного протокола II.

С точки зрения права не существует никаких других типов вооруженных конфликтов. Тем не менее, важно подчеркнуть, что ситуация может изменяться, переходя от одного типа конфликта к другому, в зависимости от фактических обстоятельств, имеющих место в каждый конкретный момент.

I. Международный вооруженный конфликт (МВК)

1) Договоры по МГП

Общая статья 2 Женевских конвенций 1949 г. устанавливает: «Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны».

Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления».

В соответствии с этим положением международными вооруженными конфликтами являются те, в которых друг другу противостоят «Высокие Договаривающиеся Стороны», т.е. государства. МВК имеет место, когда одно или несколько государств используют свои вооруженные силы против другого государства, независимо от причин или интенсивности конфронтации.

Соответствующие нормы МГП могут применяться даже при отсутствии явных военных действий. Более того, не требуется формального объявления войны или признания этой ситуации. Существование МВК и, следовательно, возможность применять международное гуманитарное право к этой ситуации, зависит от того, что фактически происходит на местах. Оно основывается на фактических обстоятельствах. Например, МВК

¹ Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, статья 5, п. 2 (ж).

может иметь место, даже если одна из воюющих сторон не признает правительство стороны противника¹.

Комментарий к Женевским конвенциям 1949 г. подтверждает, что «любые разногласия, возникающие между двумя государствами и приводящие к действиям вооруженных сил являются вооруженным конфликтом по смыслу статьи 2, даже если одна из сторон отрицает существование состояния войны. Не имеет значения, как долго продолжается конфликт или сколько в нем погибших»².

Кроме обычных межгосударственных вооруженных конфликтов Дополнительный протокол I включает в определение МВК вооруженные конфликты, в ходе которых народы сражаются против колониального господства, иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение (национально-освободительные войны)³.

2) Судебная практика

Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии (МТБЮ) предложил общее определение международного вооруженного конфликта. В деле Тадича Трибунал постановил, что «вооруженный конфликт имеет место всегда, когда в отношениях между государствами используются вооруженные силы»⁴. С тех пор это определение используется другими международными учреждениями.

3) Теоретические положения

В теоретических трудах есть полезные замечания относительно определения международного вооруженного конфликта.

По мнению Д. Шиндлера «существование вооруженного конфликта по смыслу статьи 2, общей для Женевских конвенций, можно всегда предположить, если имеют место столкновения между частями вооруженных сил двух государств. [...] Любой вид использования оружия в отношениях между двумя государствами вводит в действие Конвенции»⁵.

Г.-П. Гассер разъясняет, что «любое использование вооруженной силы одним государством против территории другого государства автоматически означает применимость Женевских Конвенций в отношениях между двумя государствами. [...] Кроме того, не имеет никакого значения, оказывает ли сопротивление сторона, на которую осуществлено нападение. [...] Как только во власти вооруженных сил одного государства появляются раненые или сдавшиеся в плен лица из состава вооруженных сил другого государства или гражданские лица другого государства, как только вооруженные силы начинают задерживать пленных или осуществлять фактический контроль над частью территории

¹ «Для применимости международного гуманитарного права не имеет значения, признают ли участвующие в конфликте государства и правительства друг друга в качестве государств», Joint Services Regulations (ZDv) 15/2, in: D. Fleck, The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts, Oxford University Press, Oxford, 1995, p. 45.

² Pictet J. Commentary on the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field, ICRC, Geneva, 1952, p. 32.

³ Дополнительный протокол I, статья 1, ч. 4: «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

⁴ ICTY, The Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, IT-94-1-A, 2 October 1995, para. 70.

⁵ D. Schindler, The different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols, RCADI, Vol. 163, 1979-II, p. 131.

государства противника, они должны соблюдать положения соответствующей Конвенции»¹.

Устав Объединенных видов ВС Германии (ZDv) 15/2 устанавливает, что «международный вооруженный конфликт имеет место, если одна сторона использует силу оружия против другой стороны. [...] Использование военной силы отдельными лицами или группами лиц не является достаточным условием»².

И наконец, по мнению Э. Давида «любая вооруженная конфронтация между силами государств – участников ЖК 1949 г. (и возможно ДП I 1997 г.) подпадает под действие этих договоров, независимо от масштаба этого столкновения: достаточно произойти перестрелке или пограничному инциденту между вооруженными силами сторон, чтобы к этой ситуации стали применяться положения Конвенций (и Протокола I, если приистекающие из него обязательства связывают государства)»³.

II. Немеждународный вооруженный конфликт (НМВК)

1) Договоры по МГП

Следует рассмотреть два основных правовых положения для того, чтобы определить, что такое НМВК в соответствии с международным гуманитарным правом: а) статью 3, общую для Женевских конвенций 1949 г.; б) статью 1 Дополнительного протокола II:

а) Немеждународный вооруженный конфликт по смыслу общей статьи 3 применяется во время «вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон». К таким конфликтам относятся вооруженные конфликты, в которых участвуют одна или несколько неправительственных вооруженных групп. В зависимости от ситуации военные действия могут происходить между правительственными вооруженными силами и неправительственными вооруженными группами или только между такими группами. Поскольку к настоящему времени четыре Женевские конвенции получили универсальную ратификацию, требование того, чтобы вооруженный конфликт происходил «на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон», утратило на практике свое значение. Действительно, любой вооруженный конфликт между правительственными вооруженными силами и вооруженными группами или между такими группами может протекать только на территории одного из участников Конвенции.

Для того чтобы отличить вооруженный конфликт по смыслу общей статьи 3 от менее серьезных форм насилия, таких как беспорядки и ситуации напряженности внутри страны, бунты и акты бандитизма, установлен определенный порог конфронтации.

В целом, все согласны с тем, что более низкий порог, упоминаемый в статье 1 (2) ДП II, который исключает беспорядки и ситуации напряженности внутри страны из определения НМВК, применяется и к общей статье 3. В этом отношении обычно применяются два критерия⁴:

– Во-первых, военные действия должны достичь минимального уровня интенсивности. Это может иметь место, например, когда военные действия носят коллективный характер или когда правительство вынуждено использовать против повстанцев военную силу, а не просто силы полиции⁵;

– Во-вторых, неправительственные группы, участвующие в конфликте, должны считаться «сторонами в конфликте», что означает, что они обладают организованными во-

¹ Gasser H.P. International Humanitarian Law: an Introduction, in: Humanity for All: the International Red Cross and Red Crescent Movement, H. Haug (ed.), Paul Haupt Publishers, Berne, 1993, p. 510.

² Fleck D. The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts, Oxford University Press, Oxford, 1995, p. 40

³ David E. Principes de droit des conflits armés, ULB, Bruxelles, 2002, p. 109.

⁴ ICTY, The Prosecutor v. Dusko Tadic, Judgment, IT-94-1-T, 7 May 1997, para. 561-568; see also ICTY, The Prosecutor v. Fatmir Limaj, Judgment, IT-03-66-T, 30 November 2005, para. 84.

⁵ Подробный анализ этого критерия см. в материалах МТБЮ, The Prosecutor v. Fatmir Limaj, Judgment, IT0366-T, 30 November 2005, para. 135-170.

оруженными силами. Например, это значит, что эти силы должны иметь определенную командную структуру и иметь возможность осуществлять непрерывные военные действия¹;

б) Немеждународные вооруженные конфликты по смыслу статьи 1 Дополнительного протокола II

Более ограничительное определение НМВК было принято для конкретной цели Дополнительного протокола II. Этот инструмент применяется к вооруженным конфликтам, «происходящим на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»².

В двух аспектах это определение уже, чем понятие НМВК в соответствии со статьей 3. Во-первых, оно вводит требование территориального контроля, предусматривая, что неправительственные стороны должны осуществлять такой территориальный контроль, «который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Во-вторых, Дополнительный протокол II четким образом применяется только к вооруженным конфликтам между государственными вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами. В отличие от общей статьи 3 Протокол не применяется к вооруженным конфликтам только между негосударственными вооруженными группами.

В этом контексте следует напомнить, что Дополнительный протокол II, «развивающий и дополняющий статью 3, общую для Женевских конвенций», не изменяет «существующих условий ее применения»³. Это значит, что это ограничительное определение имеет значение для применения только Протокола II, но не распространяется на право НМВК в целом. Статут Международного уголовного суда в статье 8, ч.2 (f) подтверждает существование определения немеждународного вооруженного конфликта, не удовлетворяющего критериям Протокола II⁴.

2) Судебная практика

Прецедентное право привнесло важные элементы в определение вооруженного конфликта, особенно немеждународных вооруженных конфликтов по смыслу общей статьи 3, которые не определены явным образом в соответствующих Конвенциях.

Судебные решения МТБЮ также проливают некоторый свет на определение НМВК. Как уже было сказано, МТБЮ определял наличие НМВК «всегда, когда имеет место [...] длительное вооруженное насилие между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между такими группами в рамках одного государства»⁵. Таким образом МТБЮ подтвердил, что определение НМВК, данное в общей статье 3, включает ситуации, в которых «несколько группировок противостоят друг дру-

¹ See D. Schindler, *The Different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols*, RCADI, Vol. 163, 1979-II, p. 147. Подробный анализ этого критерия см. в материалах МТБЮ: *The Prosecutor v. Fatmir Limaj*, Judgment, IT-03-66-T, 30 November 2005, p. 94-134.

² Дополнительный протокол II, статья 1, ч. 1.

³ Дополнительный протокол II, статья 1, ч. 1.

⁴ Статут МУС, статья 8, ч. 2 (f): «Он применяется в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории государства, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами».

⁵ ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, IT-94-1-A, 2 October 1995, p.70.

гу без участия правительственных вооруженных сил»¹. Начиная с этого первого постановления, МТБЮ в каждом своем судебном решении принимал это определение в качестве отправной точки.

3) Теоретические положения

Несколько признанных авторов также предлагали свои комментарии относительно того, что должно считаться немеждународным вооруженным конфликтом. Их замечания имеют значение, прежде всего, для конфликтов, которые не удовлетворяют строгим критериям, предусматриваемым в Дополнительном протоколе II, в них предлагаются полезные элементы для обеспечения применения гарантий, предусматриваемых в общей статье 3 к Женевским конвенциям 1949 г.

По мнению Г.-П. Гассера, в принципе, всеми признается, что «немеждународный вооруженный конфликт является вооруженной конфронтацией, которая имеет место на территории государства между правительством, с одной стороны, и вооруженными повстанческими группами, с другой стороны. [...] Другим случаем является распад всей структуры государственной власти в стране, в результате чего различные группы ведут друг с другом борьбу за власть»².

Д. Шиндлер также предлагает подробное определение: «Военные действия должны вестись силой оружия и быть настолько напряженными, чтобы, как правило, правительство было вынуждено использовать против повстанцев свои вооруженные силы, а не просто силы полиции. Во-вторых, в том, что касается повстанцев, военные действия должны носить коллективный характер, [т.е.] они должны вестись не просто отдельными группами. Кроме того, повстанцы должны иметь минимальную организацию. Их вооруженные силы должны находиться под ответственным командованием и быть в состоянии выполнять минимальные гуманитарные требования»³.

М. Сассоли⁴ пишет: «общая статья 3 говорит о конфликтах, возникающих «на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон», в то время как в статье 1 Протокола II говорится о тех, которые происходят «на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны». Согласно цели и задачи МГП это следует понимать как просто напоминание о том, что договоры применяются только к государствам – участникам. Если бы такая формулировка означала, что конфликты, в которых государства противостоят организованным вооруженным группам и которые происходят на территории нескольких государств не были бы «немеждународными вооруженными конфликтами», существовал бы пробел в защите, который нельзя было бы объяснить опасением государств за свой суверенитет. Такие опасения сделали право немеждународных вооруженных конфликтов менее развитым. И все же опасения за государственный суверенитет не могли бы объяснить, почему жертвы конфликтов, распространяющихся по территории нескольких государств, должны пользоваться меньшей защитой, чем те, которые пострадали в результате конфликтов, ограничивающихся территорией только одного государства. Кроме того, статьи 1 и 7 Устава Международного уголовного трибунала для Руанды распространяет на соседние государства юрисдикцию этого трибунала, который должен, среди прочего, обеспечить соблюдение права немеждународных вооруженных конфликтов. Это подтверждает тот факт, что даже конфликт, распространившийся через

¹ Комментарий к Дополнительным протоколам от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. Комментарий к Дополнительному протоколу II, под ред. И. Сандо, К. Свинарски и Б. Циммермана, МККК, М., 1998, ч. 4461.

² Gasser H.P. International Humanitarian Law: an Introduction, in: Humanity for All: the International Red Cross and Red Crescent Movement, H. Haug (ed.), Paul Haupt Publishers, Berne, 1993, p. 555.

³ Schindler D. The Different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Conventions and Protocols, RCADI, Vol. 163, 1979-II, p. 147.

⁴ Sassoli M. «Transnational Armed Groups and International Humanitarian Law», Program on Humanitarian Policy and Conflict Research, Harvard University, Occasional Paper Series, Winter 2006, Number 6, p. 8, 9.

границы, остается немеждународным вооруженным конфликтом. В заключение можно сказать, что «внутренние конфликты отличаются от международных вооруженных конфликтов участвующими в них сторонами, а не территориальной сферой распространения конфликта»¹.

III. Заключение

На основании проведенного анализа МККК предлагает следующие определения, которые отражают преобладающее среди большинства юристов мнение:

1. Международные вооруженные конфликты имеют место всегда, когда используются вооруженные силы в отношениях между двумя или несколькими государствами.

2. Немеждународные вооруженные конфликты – это продолжительные вооруженные столкновения между правительственными вооруженными силами и силами одной или нескольких вооруженных групп или между такими группами, возникающие на территории государства [участника Женевских конвенций]. Вооруженная конфронтация должна достичь определенного минимального уровня интенсивности, и стороны, участвующие в конфликте, должны продемонстрировать минимум организации.

¹ Liesbeth Zegveld, *Accountability of Armed Opposition Groups in International Law*, Cambridge: Cambridge University Press, 2002, p. 136.

ПЕРЕГОВОРЫ (ИЗ ХАЛХИНГОЛЬСКИХ ЗАПИСОК)

28 ноября 2025 г. мы отпраздновали 110-летие со дня рождения Константина Симонова (1915-1979), поэта, прозаика, драматурга и прежде всего легендарного военного корреспондента. Сегодня мы хотим обратиться к началу его карьеры как военного журналиста, к периоду работы в армейской газете «Героическая красноармейская», освещавшей события на Халхин-Голе в 1939 г. Корреспонденция «Переговоры» (из Халхингольских записок)¹ позволяет нам не только познакомиться с работой военного корреспондента в боевых условиях, но и глазами участника увидеть процесс мирных переговоров между конфликтующими сторонами, передачи тел погибших, обмена военнопленными.

(Окончание. Начало в журнале № 1 за 2026 г.)

Но сначала, чтобы не забыть, – один характерный эпизод: к этому времени мы получили странное сообщение, что командующий Квантунской армией (то есть, по существу, всем маньчжурским фронтом) генерал Уэда в связи с событиями на Халхин-Голе смещен с должности, а непосредственно командовавший уничтоженной на Халхин-Голе 6-й армейской группой генерал Комацубара получил орден, дай бог памяти, не то бронзового орла, не то черного ястреба. Сообщение поистине загадочное, если не учесть некоторых особенностей психологии тогдашней японской правящей клики.

Генерал Комацубара на следующий день после того, как кольцо наших войск вокруг его частей замкнулось, вылетел из этого кольца в тыл, в Маньчжурию. Формально, как показывали пленные офицеры, для организации отпора нашему дальнейшему продвижению в глубь Маньчжурии, а фактически, может быть, и просто для спасения своей особы. Впрочем, дело не в этом.

Когда генерал Комацубара вылетел из окружения, у японцев, никак не ожидавших такого быстрого разгрома на Халхин-Голе, в эти дни ни в районе боев, ни на подходе не было никаких серьезных резервов. И наши и монгольские войска наличными силами, будь на то приказ, могли бы в два-три дня пройти сто километров до самого Хайлара и, чего доброго, занять его без особого сопротивления.

Но войска наши, наоборот, получили строгий приказ, выйдя на линию государственной границы Монголии, не пересекать ее, остановиться и немедленно начать окапываться и возводить проволочные заграждения.

Комацубара, после своего разгрома на Халхин-Голе почти ничего не имея под рукой, собрал все, что он мог наспех наскрести: пару железнодорожных батальонов, немножко баргутской кавалерии, остатки какого-то вышедшего из окружения полка, сводный полицейский полк, – и с этими войсками занял реальное соотношение сил в те дни, это

¹ Симонов К. От Халхин-Гола до Берлина. М., 1973 С. 17-38.

была оборона в кавычках. Но мы, не имея приказаний двигаться, не двигались и только продолжали возводить полевые укрепления на государственной границе. Комацубара со своей полицией и железнодорожниками тоже, естественно, не двигался, стоял на месте и доносил, что он «сдерживает натиск советских войск и не пускает их на маньчжурскую территорию». Так он простоял с неделю и дождался подхода спешивших из других пунктов Маньчжурии японских дивизий.

Очевидно, эпизод этой «успешной обороны» маньчжурской границы со столь ничтожными силами против во много крат превосходящего противника выглядел в Токио столь героично, что бросивший в окружении на гибель две свои дивизии незадачливый генерал, которому, в сущности, по японским понятиям о чести, следовало сделать себе хакари, вместо этого вдруг получил орден.

Трудно судить, в какой мере это награждение было произведено сознательно, с целью поддержать версию о японских успехах на Халхин-Голе, и в какой мере стало результатом дезинформации Комацубарой высшего начальства. Наверное, имело место и то и другое. Очевидно, японская военщина по самой своей психологии не могла представить себе, чтобы чьи-то войска, имея перед собой открытый фронт, не перешли бы границу и не устремились бы на чужую территорию. А если они не могли себе этого представить, то, следовательно, должны были предположить, что кто-то задержал советско-монгольские войска; задержать же их в тот момент мог только генерал Комацубара со своими полицейскими и железнодорожниками.

Так выглядит этот необъяснимый на первый взгляд эпизод военной карьеры командующего японскими войсками на Халхин-Голе.

Возвращаюсь к рассказу.

Передача пленных происходила 2 октября в двух пунктах: передача здоровых, а вернее, ходячих, пленных была назначена там же, где раньше велись переговоры, в центре, чуть ближе к правому флангу наших позиций. А передача тяжелораненых и не могущих двигаться назначена была ближе к нашему левому флангу, километра за полтора перед нашими позициями, на поле, которое могло служить аэродромом. Туда должны были прилететь наши самолеты, груженные японскими пленными, и их самолеты, груженные нашими пленными.

Мы с Ортенбергом приехали к месту передачи ходячих пленных рано, за час до начала процедуры. По дороге мы обогнали человек двести, маршировавших под конвоем, японцев, половина из них – легкораненые – шли с повязками, человек тридцать ехали на грузовиках.

Едва мы прибыли на место, как выяснилось, что кто-то чего-то не предусмотрел, и в результате все представители – и наши и японские – оказались здесь. А туда, где будут передавать тяжелораненых, не послано ни одного полномочного представителя.

Между тем условленное время передачи приближалось.

Чтобы понять последующее, надо представить себе схему расположения наших и японских позиций. Наши, шедшие по границе позиции представляли собой в этом месте вогнутую в нашу сторону дугу. Таким образом, для того, чтобы проехать с правого фланга на левый по нашим дорогам, шедшим за нашими позициями, надо было делать объезд по всей этой дуге. Если же сделать тот же путь – с фланга на фланг – через японские позиции, можно было ехать по хорде этой окружности, то есть по значительно более короткой дороге.

Наш представитель – майор, которого теперь собирались отправить вместе с переводчиком туда, на левый фланг, – поехав в объезд дорогами, шедшими позади наших

позиций, явно опоздал бы к началу передачи. Это сорвало бы намеченный ритуал, а мы хотели в точности придерживаться его.

Тогда тут же, на месте, неожиданно быстро договорились с японцами, и их представитель, полковник, взялся ехать вместе с нашими по прямой через японское расположение. Ортенберг, который в таких случаях мгновенно ориентировался, буквально впихнул меня в «эмку», рядом с переводчиком, прошептав мне в ухо, чтобы я не валял дурака, пользовался случаем и ехал:

– Там будет у тебя настоящий материал! Гораздо интереснее, чем околачиваться тут!

Я еще не успел ничего сообразить, как шофер уже крутанул баранку, и мы поехали вслед за желтым японским «шевроле», нырявшим по дороге впереди нас. Поехали мы впопыхах, все вооруженные. Кроме того, сзади на сиденье лежала винтовка шофера, а в ногах у нас было почему-то навалом насыпано десятка полтора гранат. Переводчик высунул через окно палку с белым платком. Это, согласно предварительной инструкции, должно было изображать белый парламентарский флаг.

Не успели мы проехать за японцами и полутора километров, как молчаливый длинный майор, ехавший на переднем сиденье, вдруг повернулся и взялся на переводчика:

– Чего вы высунули эту тряпку? Что мы, сдаваться, что ли, едем? Уберите!

Переводчик сказал:

– Инструкция.

– Мало ли что инструкция. Мы не сдаваться едем. Мы победители. Нечего нам с этой тряпкой ездить. Уберите, говорю я вам!

Переводчик сказал:

– Но они же тогда могут в нас стрелять.

– Пусть попробуют! – сказал решительный майор, и палка с платком была убрана.

Нельзя сказать, чтобы меня обрадовал этот обмен репликами, но я, как лицо безгласное, сидел в углу машины и ждал, что будет дальше.

Проехав километра четыре, мы услышали впереди несколько взрывов, похожих на взрывы гранат. Потом дорога круто повернула, мы обогнули какой-то холмик, и передо мной открылась картина, которую я едва ли когда забуду.

За грядой холмов была довольно ровная степь. В степи, за несколько сот метров вправо от нас, начинался и уходил вдаль, глубокий ров шириной в два – два с половиной метра. В нем было навалено что-то сильно дымившееся. Поодаль, метрах в тридцати, стояли солдаты с лопатами; а еще немножко поодаль – группа офицеров, наблюдавших за происходившим. Этот дым был тот самый, который мы видели издалека, с места переговоров, а этот ров был местом сожжения вырытых на нашей территории японских трупов. Взрывы, которые мы слышали, когда проезжали, и которые слышали и потом, когда уже миновали это место и поехали дальше, были взрывы обойм с патронами и гранат, оставшихся в обмундировании у убитых. Они рвались там, во рву, когда до них доходил огонь. Этим, кстати, наверное, объяснялось то, что, облив бензином очередную партию трупов, солдаты отходили на приличную дистанцию от рва.

«Так вот оно, пресловутое священное сожжение трупов, – подумал я. – Кому чей прах попадет при таком сожжении? Что будет вложено в какую урну, чьи останки на каком из японских островов окажутся и, наконец, всегда ли это будет прах людей или иногда и прах убитых лошадей, которых тоже, бывало, закапывали по соседству с погребенными солдатами, а потом вместе отрывали и грузили на машины – не из пренебрежения, а просто потому, что в этой страшной каше из обрывков гниющих тел уже иногда не было человеческих сил разобрать где что».

Теперь все это, сваленное с грузовиков, лежало, облитое бензином, во рву и горело. Потом этот пепел клался в аккуратные урны, урны запечатывались, вывозились по железной дороге через Маньчжурию, через море и опять по железным дорогам развозились на места в патриархальные домики японских деревень, и престарелые родители верили, что заботливо сбереженный прах их сына действительно покоится в этой урне.

Вся эта картина погребения не вызвала во мне тогда ничего, кроме удивления, смешанного с жалостью к мертвым и отвращением к живым.

Двигаясь по хорде, мы заехали, я думаю, километров на десять в глубь японского расположения. На дорогах стояли столбы со стрелками-указателями. Каждые два-три километра попадались заправочные пункты, то есть просто стояло несколько бочек с бензином, и при них – солдат.

Проезжали легковые машины и грузовики, и тут же, рядом, мокрые, вспотевшие японские солдаты, вдвоем или вчетвером впрягшись в двухколесную повозку, тащили бочку с водой.

Степь была очень ровная, но, в противоположность нашим прифронтовым местам, наезженных колеей было мало, шла только одна дорога; иногда стоял указатель поворота, и шло ответвление в сторону. Как я потом узнал из разговоров, японцы, чтобы не блуждать и не путаться по ночам в степи, под страхом дисциплинарных взысканий запретили наезжать новые колеи; движение было разрешено только по уже наезженным дорогам. В условиях войны в пустыне нельзя не признать это вполне разумной мерой.

Наконец мы стали вновь приближаться к нашим позициям. Вдруг японская машина остановилась, полковник вылез из нее и на ломаном русском языке сказал, что придется минуту подождать: маленькая неисправность в моторе, сейчас шофер исправит. Японец-шофер стал копать в моторе, а мы стояли рядом: полковник Харада – опираясь на свой самурайский меч, а наш мрачный майор – заложивши руки за спину и с удовольствием глядя на испортившуюся японскую машину.

Не помню, о чем мы говорили; о чем-то, очевидно, говорили, потому что прошло минут десять, а японец все еще копался с машиной. Наш шофер ходил вокруг японского. Ему явно и мучительно хотелось объяснить японцу, что надо предпринять, и, судя по его виду, он точно знал, что именно надо сделать, но не решился вмешаться и лишь искоса поглядывал на майора, ожидая разрешения. Наконец японец что-то подвернул, подкрутил, мучения нашего шофера кончились; мы сели и снова поехали вслед за японцами.

– Не терпелось помочь, – желчно сказал майор.

– Так ведь что там: продуть, и все, – сказал шофер. – А он не понимает.

– А ты бы ему продул.

– Да я бы продул, да ведь не знаю, можно ли...

– То-то – «не знаю», – сказал майор. — Пусть останавливаются. А мы подождем, мы не гордые. Пусть на наших глазах унижают достоинство своей техники.

Мы проехали еще минут пять, и японцы опять остановились. Полковник Харада вылез и сказал, что нам придется подождать минуточку, потому что в машине снова что-то испортилось. Японский шофер, подняв капот, лихорадочно завозился в машине, наш ходил кругом него, полковник Харада по-прежнему опирался на свой самурайский меч и смотрел в спину своему шоферу такими глазами, что я подумал, шоферу сегодня не миновать палок или чего-нибудь в этом роде – уж очень судорожно улыбающимся было лицо у полковника Харада.

Так мы постояли минут десять. Майор посмотрел на небо, потом на часы и сказал:

– Опоздаем.

Потом опять помолчал, видимо колеблясь, и наконец сказал шоферу:

– Федосеев, помогите.

Федосеев кинулся к мотору. С минуту они поговорили с японским шофером на том непонятном для всех других особом шоферском языке, о котором в одном из военных очерков сорок первого года так хорошо писал Евгений Петров; японец что-то повернул, наш что-то повернул, кто-то куда-то подул, мотор завелся, и мы поехали.

Японцы ехали по-прежнему впереди нас, на дистанции шагов в сто. На нашем пути встретился маленький холмик, и мы на несколько секунд потеряли японцев из виду: они уже перевалили, а мы только поднимались. А когда мы поднялись на холмик, то увидели, что японцы атакованы нашим броневичком, на крыле которого с наганом в руке стоит какой-то из наших командиров. Полковник Харада, вылезший из своего «шевроле», что-то пытался показывать руками. Наш командир, не сходя с подножки броневика, тоже

жестикულიровал, но жестикуляция у него получалась более внушительная, ибо в одной руке у него оставался забытый в пылу спора наган.

Подъехав, мы выяснили, в чем дело. Оказывается, мы из нейтральной зоны заехали в зону одной из наших дивизий. И надо сказать, что у капитана, стоявшего на подножке броневика, заметно омрачилось лицо, когда он увидел нас и, выслушав наши объяснения, уразумел, что мы едем вместе с этим японским полковником, что японец – парламентар и что его нельзя схватить и пленить.

– А что мне — парламентар, не парламентар! – не сдавался капитан. – Вот продержу его два дня – пусть узнает, как заезжать на нашу линию!

– Так он же с нами!

– Ну и что ж, что с вами? А вот заехал. Вот задержу его дня на два!

– Пока вы только нас зря задерживаете!

– Вас пропустим, а его задержим!.. Вот сейчас задержим, – доверительно обратился он теперь уж непосредственно к японцу, – задержим, и все!

– Ну, ладно, довольно, – сказал мрачный майор. – Некому будет пленных сдавать и принимать. Поехали!

– Буду провожать вас до границы нашей зоны.

– Провожайте, провожайте.

И мы поехали, теперь уже мы впереди, за нами – Харада, а за ним – бравый капитан на броневичке.

Наконец мы приехали на площадку, где должны были приземляться самолеты. По условиям, самолетов должно было приземлиться восемь: четыре с нашей стороны и четыре с японской.

Через несколько минут после нашего приезда первыми, согласно условию, стали приземляться японские самолеты. Три из них пришли пустыми только для того, чтобы забрать японских пленных. Только на четвертом оказались тяжелораненые наши — человек двенадцать: небритые, грязные, обросшие, ужасно исхудалые, в большинстве с тяжелыми ранениями, некоторые с ампутациями.

Один взятый еще в мае старшина был страшно худой, заросший до глаз бородой, в которой появилась седина, с ввалившимися глазами, с перебинтованной грудью, с одной ногой в шине и, что меня особенно поразило, в обгорелой гимнастерке без одного рукава. Так он был взят на поле боя, раненный в грудь, ногу и руку, в обгоревшей гимнастерке, и в таком же виде его возвращали нам через пять месяцев.

Здесь же на площадке стоял наш маленький санитарный автобус. Оттуда раненым быстро притащили еду, шоколад, кажется, сгущенное молоко и еще что-то, поили их и кормили. Минут через пятнадцать подошли и наши самолеты; они снизились один за другим, и наши с помощью японцев стали вытаскивать оттуда японских тяжелораненых. Было их, по-моему, человек семьдесят, все на носилках, все тяжелые; некоторые могли садиться на носилках, некоторые лежали пластом. Все были одеты в чистое белье и в чистенькое, новенькое, с иголки, японское обмундирование. Рядом с каждым лежала на носилках новенькая японская шинель, каждый был накрыт до пояса новеньким японским одеялом, словом, видимо, все соответствовало инструкции – «сдать в полном порядочке».

Я так и слышу, как звучат эти слова: «Сдать в полном порядочке». Сдали действительно в полном порядочке. Кстати сказать, это было нетрудно: в наши руки попало не то пятнадцать, не то двадцать тысяч полных комплектов зимнего обмундирования, завезенного японцами в предвидении зимней кампании.

Японцы лежали мрачно и тихо, чувствовалась их угнетенность. Полковник Харада, очень любезный и улыбчивый с нами, вдруг стал говорить каким-то свистящим, как хлыст, голосом. Бывшие тут же два японских майора и два капитана, – как выяснилось, военные врачи, – распоряжались выгрузкой и главным образом погрузкой пленных на самолеты. Японские санитары действовали грубо, швыряли носилки об землю, но никто из раненых не застонал и не охнул. Наши вытаскивали их гораздо мягче, вежливей, и даже не вежливей, а просто-напросто сердечней.

Японцы вели себя со своими ранеными нарочито грубо. В этом чувствовалась не столько действительная грубость, сколько необходимость быть грубыми на глазах у начальства, необходимость показать презрение к этим пленным. Санитары старались вовсе. Доктора считали носилки и тоже разговаривали резкими и свистящими голосами. Ни один из них так и не ответил на те несколько вопросов, которые – стоя рядом, я слышал это – задали им пленные. Врачи и санитары, не стесняясь, перешагивали через носилки.

Потом, когда выгрузили всех пленных, санитары вдруг появились с пачками белой бумаги, пошли вдоль рядов и одному за другим, быстро и грубо, начали надевать каждому из раненых на головы колпаки, похожие на большие пакеты, в которые у нас в магазинах насыпают крупу. Эти большие пакеты из плотной, в несколько рядов склеенной бумаги напяливались пленным на головы.

Как-то странно и тяжело было смотреть, как тем из раненых, кто сам не мог приподнять голову, грубо приподнимали ее и нахлобучивали на нее пакет, а следующий, тот, кто мог поднимать голову, уже сам приподнимался на локтях и вытягивал шею навстречу пакету.

Полковник Харада проходил мимо меня. Я задержал его и спросил: что они делают с пленными? Он быстро остановился и произвел на своем лице два необыкновенно быстрых движения: сначала он быстро улыбнулся. Это был жест по отношению ко мне – он отвечал на мой вопрос. Потом эта улыбка так же быстро исчезла, и нижняя губа полковника оттянулась в надменную гримасу. Кивнув на пленных и сделав очень короткий и очень презрительный жест в их сторону, он сказал:

– Это надевают на них для их пользы, чтобы им было не стыдно смотреть в лицо офицерам и солдатам императорской армии.

Наверно, надо было сказать ему, что после всего происшедшего на Халхин-Голе некоторым генералам и офицерам японской армии следовало бы надеть на голову такие

мешки, чтобы им не было стыдно смотреть на своих возвращающихся из плена солдат, но, как часто в таких случаях бывает, эта мысль пришла мне в голову позднее, чем нужно, Харада уже отошел и отдавал какие-то распоряжения.

Пленных японцев быстро и грубо запихивали, именно запихивали, в японские самолеты, наших погрузили в один из наших самолетов. Самолеты один за другим начали подниматься в воздух, а мы остались на быстро опустевшей посадочной площадке.

Если мы хотели застать хотя бы конец официальной церемонии на главном пункте передачи пленных, надо было немедленно ехать назад. Однако когда мы подошли к машинам, то выяснилось, что машина полковника Харада в третий раз испортилась, и его шофер, стоя спиной к нам, копался в моторе. Харада, ни слова не говоря, подошел к нему сзади и, держа свой офицерский меч за середину, легонько дотронулся ножнами до ноги шофера. Одновременно он слегка обернулся к нам и улыбнулся. Улыбка была для нас. Шофер повернулся. У него были такие испуганные глаза, что я понял: пока над ним стоит Харада, он может копаться в моторе два, три, двенадцать часов, но все равно с этими ошалевшими от страха глазами ничего не починит.

Харада сказал что-то по-японски, шофер тоже ответил по-японски. Харада улыбнулся нам и сказал:

– Боюсь, что не доедем.

Тогда мы предложили ему сесть в нашу машину вместе с нами. Он поколебался и сказал:

– Хорошо, спасибо.

Задержавшись около своего шофера, он начал что-то говорить ему. В это время наш утрюмый майор и переводчик препирались, как быть теперь: выставлять через окно белый флаг или нет. Теперь перед нами уже не поедет японская машина, так что в нас наверняка будут стрелять.

– Да, но с нами ихний полковник едет, – сказал майор.

– Да, но его не сразу увидят. Увидят нашу машину в тылу японского расположения. Представьте себе, в нашем тылу – японская машина! Сперва обстреляют нас, а потом уже его заметят, – говорил переводчик.

– Что же, в нашей машине будет японский полковник, – говорил майор, – а мы белый флаг выставим, как будто мы сдались ему? Нет, так, без флага поедем!

Полковник Харада подошел к нам, и мы сели в нашу «эмку», майор снова впереди, а мы втроем сзади: с одного бока переводчик, посредине полковник, а с другого бока я. Харада был изрядно стиснут между нами. Меч, поставленный между ногами, мешал ему, и на кочках казалось, что он вот-вот выбьет себе мечом зубы. Кроме того, ему мешала лежавшая сзади на сиденье винтовка, а вид рассыпанных на полу гранат тоже, наверно, действовал не слишком утешительно.

Должно быть, сыграла свою роль и недавняя встреча с ретивым капитаном броневи́чка. Во всяком случае, когда мы стали разворачиваться и выезжать с посадочной площадки, Харада встревожился и стал говорить:

– Нет, не сюда, а сюда! Дорога сюда!

Он, очевидно опасался, что его завезут в наше расположение. Майор повернулся и мрачно сказал:

– Я дорогу знаю. Где раз проехал, второй раз знаю. Я вас довезу, вы не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь, – сказал полковник и начал опять улыбаться и расспрашивать нас о каких-то вещах, вовсе не относившихся ни к нашей поездке, ни к войне: о женщинах, о высшем образовании и о Москве, где он когда-то был не то помощником военного атташе, не то кем-то еще.

Теперь мы уже явно ехали по японской территории, но полковник, стиснутый нами с двух сторон и сидевший в нашей машине, видимо, чувствовал себя все-таки неуютно. Мы с переводчиком тоже чувствовали себя не слишком хорошо и все время боялись, что кто-нибудь из японских солдат, стоявших на постах на поворотах дороги, возьмет и выпалит в нас. Я очень удивлялся, как этого не случилось. Может быть, японцев гипнотизировала неукротимая уверенность нашего майора, что все будет в порядке и что его никто не посмеет тронуть, а может, их ошеломлял вид одинокой, без всякого сопровождения проезжавшей через их позиции русской машины, но никто из них так и не выстрелил. Винтовки поднимались, машина подъезжала ближе, в пяти шагах японцы видели стиснутого между нами японского полковника, делали ему на караул по-ефрейторски, и мы проезжали дальше.

Так в конце концов мы благополучно вернулись к месту переговоров.

К тому времени, когда мы вернулись, церемония опроса и подсчета была закончена, и мимо нас промаршировали пленные.

Вначале прошли наши, их было человек восемьдесят. Во главе их шел одетый в синий танкистский комбинезон худой, черный, бородатый человек с печальными глазами и рукой на перевязи. Это, как мне сказали, был майор – командир батальона нашей бронетанковой бригады. Его считали погибшим в одном из боев еще в июле. Но оказалось, что он в плену. Как старший по званию среди пленных, он вел колонну.

Наши пленные молча прошли мимо нас и скрылись за поворотом дороги, уходящей к нашим позициям. Потом прошли японцы. Замыкая их колонну, ехали две открытые машины, в которых сидели раненые главным образом в ноги.

Дорога. По ней, замыкая колонну, едет последняя машина с японскими пленными. Она едет сначала мимо маленькой группы наших врачей и сестер, потом мимо группы наших командиров, руководивших передачей, потом мимо большой группы японских офицеров.

И вот на этом последнем куске дороги, под взглядами всех, кто стоит по сторонам ее, в кузове последней машины поднимается японец и демонстративно долго приветственно машет нашим врачам и сестрам перевязанной бинтом кистью.

Все стоят молча, наши и японцы, все это видят. А он, приподнявшись в кузове, все машет и машет рукой, машет долго, до тех пор, пока машина не скрывается за поворотом.

Кто был этот человек? Японский коммунист или просто человек, которому спасли жизнь наши врачи и который, несмотря ни на что, хотел выразить им последнюю благодарность? Что ждало этого человека там, в Японии: дисциплинарное взыскание или военный суд? Не знаю, но эта сцена до сих пор живет в моей памяти.

Константин Симонов

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ IX МЕЖВУЗОВСКОЙ ОЛИМПИАДЫ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА – 2026»

24 апреля 2026 г. в Институте журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета прошло подведение итогов IX Межвузовской олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

Первое место заняла команда Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ. В ее состав вошли курсанты В.И. Ильюша, Я.М. Булгаков, А.А. Наумов.

Второе место завоевала команда Московского педагогического государственного университета. Состав команды – студенты К.С. Артемьев, Т.А. Сайганова, И.Р. Васильев.

Третье место в командном зачете разделили команды Московского государственного лингвистического университета (студенты П.С. Бурова, Е.В. Селюкина, В.В. Королева) и Российского государственного гуманитарного университета (Д.К. Матвеев, М.А. Катриченко, Ж.С. Джалилова).

В личном первенстве в олимпиаде победил студент Московского педагогического государственного университета К.С. Артемьев.

Второй результат показала студентка Финансового университета при Правительстве РФ Д.С. Кулик.

Третье место разделили курсант Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ В.И. Ильюша и магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ М.Р. Аширов.

Победителям олимпиады были вручены денежные премии от Московской городской коллегии адвокатов «Время защиты», ценные подарки от Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России и Белоруссии, памятные подарки от Московского педагогического государственного университета.

Дипломы, премии и ценные подарки вручали члены редколлегии журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ»: военный обозреватель В.Н. Литовкин, член Совета Региональной общественной организации «Ассоциация ис-

следователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»), кандидат педагогических наук Т.М. Сыртланов и заместитель главного редактора журнала, кандидат исторических наук А.Ш. Салихов.

В 2026 г. в состязании приняли участие команды Академии гражданской защиты МЧС России, Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного института культуры, Московского педагогического государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Финансового университета при Правительстве РФ.

В личном первенстве боролись более 40 студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры, обучающиеся по направлениям (специальностям) «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

В ходе подготовки к олимпиаде все участники прослушали лекцию по теме «Международно-правовой статус журналиста в условиях вооруженного конфликта», которую провел доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов, а также посмотрели учебный фильм «Как не погибнуть от вражеской пули: памятка для студентов-журналистов».

Олимпиада прошла при поддержке Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России и Белоруссии, Московской городской коллегии адвокатов «Время защиты», Союза журналистов Москвы, Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов при ИЖКМ МПГУ, Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»), научно-го журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ».

Андрей Козлов, Военный университет.

Фото автора.

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовский конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Конкурсная комиссия принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала, с конечными ссылками на использованные источники.

Работы необходимо прислать в адрес конкурсной комиссии (mgp_smi@mail.ru) до 1 мая 2027 г. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоится в июне 2027 г.

К участию в конкурсной комиссии будут привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов.

Лучшие работы будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Председатель конкурсной комиссии –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель.

ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовскую олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в олимпиаде приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиада состоится в апреле 2017 г. на площадке Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (учебный корпус «ТАГАНКА» – Верхняя Радищевская улица,

д. 16–18). Форма проведения – тестирование.

Заявки на участие просим присылать по электронному адресу: mgp_smi@mail.ru.

Результаты олимпиады будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

Председатель жюри –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель.

